

АНАТОЛИЙ ВОРОНИН

ВТОРОЙ ПОЯС

ОТКРОВЕНИЯ СОВЕТНИКА

ГОРЯЧИЕ
ТОЧКИ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

25-летию
ВЫВОДА
СОВЕТСКОГО
КОНТИНГЕНТА
ПОСВЯЩАЕТСЯ

Горячие точки. Документальная проза

Анатолий Воронин

**Второй пояс.
Откровения советника**

«Центрполиграф»

2014

Воронин А. Я.

Второй пояс. Откровения советника / А. Я. Воронин —
«Центрполиграф», 2014 — (Горячие точки. Документальная
проза)

«Второй пояс» – оригинальное, информационно насыщенное произведение. Это документальное повествование с элементами беллетристики, раскрывающее роль института советников в Афганской войне. Слог Анатолия Воронина четок, прост и очень выразителен. Вникнув в специфику, во все подробности афганской глубинки – а иначе невозможно внедрять агентуру и проводить оперативные мероприятия, – автор создает своеобразную энциклопедию повседневной жизни далекой страны, о которой, проведя там два беспокойных года, думает «как о чем-то родном и близком». В памяти читателя остаются яркие эпизоды, судьбы и портреты афганцев, а также русских – штабных, врачей, офицеров и солдат, брошенных в горнило войны на чужой, сохраняющей, по сути, феодальный строй территории. А. Воронин показывает интеллектуальный труд «шурави» в афганской военной кампании (разработка разведопераций, штабное планирование, анализ межплеменных отношений, хитросплетений в борьбе за власть афганского партаппарата и т. п.). Автор нашел интересный художественный прием: включает слова местных языков в поток русской речи, что создает эффект присутствия и показывает, насколько неформально относятся советские спецы к службе, насколько вжились они в окружающую действительность.

© Воронин А. Я., 2014

© Центрполиграф, 2014

Содержание

Об авторе	6
Часть I	7
Совещание в бригаде	7
За пять месяцев до того...	12
Афганский вариант мобилизации рекрутов	16
Накануне...	19
Началось!	23
Первые боевые потери	26
Часть II	30
Под псевдонимом «Худойрам»	30
Генерал Хайдар, капитан Асад и другие	35
Пути господни неисповедимы...	39
Джан Мохамад	46
Гульнара	55
Крутые повороты судьбы	65
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Анатолий Воронин

Второй пояс. Откровения советника

© Воронин А.Я., 2014 © ООО «Рт-СПб», 2014 © ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Об авторе

Воронин Анатолий Яковлевич, в период с 1972 по 1997 гг. служил в органах Министерства внутренних дел. В 1986 г. с должности заместителя начальника отдела УР УВД Астраханской области откомандирован в распоряжение Представительства МВД СССР в ДРА. На протяжении двух лет был советником спецотдела (разведки) царандоя Кандагарской провинции. Последние четыре месяца афганской командировки исполнял обязанности старшего советника МВД СССР в провинции Кандагар. Принимал непосредственное участие в боевых операциях. В феврале 1995 г. и октябре 1996 г. командировался в Чечню для выполнения спецзаданий. В 1997 году в звании подполковника вышел в отставку. Награжден правительственными наградами, в том числе орденом Красной Звезды, орденом Слава (ДРА), медалями СССР, ДРА и РФ.

Часть I Начало

Совещание в бригаде

Операция, план проведения которой осенью 1987 года разработали штабные аналитики 40-й армии, преследовала далеко идущие планы военного и политического руководства СССР и должна была стать точкой отсчета в долгой череде подготовительных мероприятий, направленных на обеспечение безопасности вывода советских воинских подразделений, дислоцировавшихся в южных провинциях Афганистана.

Для придания наибольшей значимости данному мероприятию общее руководство операцией было поручено не кому-нибудь, а лично генералу армии Варенникову Валентину Ивановичу. Будучи руководителем Представительства Министерства обороны СССР и одновременно личным советником Горбачева по военным вопросам в Афганистане, Варенников был, пожалуй, единственным человеком, кого побаивались руководители всех советских представительств в Кабуле. Обладая неограниченными полномочиями, он мог отдавать приказы и распоряжения любому высокопоставленному лицу «в погонах», вне зависимости от его ведомственной принадлежности. Про военных я уж и не говорю. Для них любое произнесенное Варенниковым слово было приказом и руководством к немедленному действию...

На рабочем совещании, проходившем на ЦБУ 70-й ОМСБ, кроме военных присутствовали руководители советнических групп, чьи представительства имелись в Кандагаре. На повестку дня был вынесен один-единственный вопрос: предстоящая в провинции крупномасштабная многоэтапная войсковая операция, для участия в которой привлекались значительные силы советских и афганских подразделений.

Для окончательного утверждения плана проведения операции требовалось совсем немного – увязать его с реалиями «текущего момента» и уточнить некоторые детали.

Военные – они и в Африке военные. Через кабульских коллег они без особых проблем разузнали содержание «легенды» предстоящей операции. Составлявшаяся на основании аналитических материалов месячной давности, она была адаптирована к складывавшейся на ту пору в провинции военно-политической обстановке. Зная заранее, что от них хочет слышать высокое начальство, «кандагарцы» пришли на заседание Военного совета с заблаговременно сделанными выводами.

Зная об особенности «красных командиров» – врать, не моргнувши глазом, – Варенников сразу поставил все точки над «i», предупредив присутствующих о персональной ответственности за свои слова и недвусмысленно намекнув, что он в достаточной мере располагает информацией и о противнике, и о том, что творилось в провинции в последние месяцы.

Потом началось что-то непонятное. Все заранее подготовленные рапорта почему-то застревали у докладчиков в горле, а все их речи сводились максимум к пятиминутной перетасовке различных военных терминов в сочетании со словами «товарищ генерал армии».

Где-то после пятого или шестого доклада Варенников не выдержал и, прервав очередного выступавшего, перешел на отборный мат. Его выразительная речь продолжалась минут пятнадцать. За это время генерал успел навешать кучу ярлыков на докладчиков, не упустив возможности пригрозить им понижением в звании, увольнением из рядов, досрочной отправкой в Союз и еще много чем.

Спустив пар и немного успокоившись, генерал попросил доложить руководителя группы советников МВД. Стало быть – меня.

Как и положено, я встал и представился по всей форме. К докладу приступать не спешил, следя за ответной реакцией генерала. Мне впервые довелось вот так близко, за одним столом, встретиться с военным руководителем столь высокого ранга, и я не знал, как он отреагирует на появление в штабе совершенно незнакомого ему человека.

Не отрывая ручку от своего блокнота, генерал несколько секунд изучал меня взглядом, после чего коротко спросил:

– А где полковник Денисов?

Денисов, руководитель группы советников МВД СССР в Кандагарской провинции, буквально на днях убыл в Союз. В январе 1988 года у него подходил срок отпуска, который полагался всем советникам по истечении одиннадцатимесячного пребывания в Афгане. А тут еще вышла оказия, благодаря которой можно было ускорить отъезд на Родину...

* * *

...Используя доверительные отношения с командиром одной из договорных банд, командование провинциального царандоя вышло на торговцев оружием в Пакистане, изъявивших желание продать ПЗРК «Стингер». Главарь договорной банды, выступавший посредником в этой сделке, запросил за комплекс три миллиона афгани, что по тем временам было эквивалентно ста восьмидесяти тысячам долларов США. Для нищего Афганистана это были огромные деньги.

Чтобы «Стингер» не «уплыл» в руки другого заинтересованного покупателя, операцию по его закупке разрабатывали в сжатые сроки, соблюдая при этом режим строжайшей секретности. Необходимую сумму собрали и, упаковав в два небольших мешка, доставили из Кабула в Кандагар на самолете. Еще пару дней деньги отлеживались в аэропорту на вилле старшего советника МВД зоны «Юг», которая фактически была временным пристанищем для всех советников МВД, прибывающих для дальнейшего прохождения службы в провинциях Заболъ, Гильменд и Кандагар.

После окончательного согласования с барыгами всех деталей предстоящей сделки покупателя и сопровождающие их лица двумя вертушками полетели в сторону пакистанской границы. Поскольку деньги были выданы под ответственность Денисова, он и возглавил группу покупателей. С собой он прихватил переводчика Олега, неделю сидевшего на чемоданах в ожидании дембельского «борта». Руководство провинциальной милиции представлял заместитель командующего царандоем по безопасности – майор Сардар. Группа сопровождения численностью до пятнадцати человек полностью состояла из десантуры. Ее присутствие обуславливалось тем, что до последнего момента никто не знал, как на месте развернутся события и чем закончится вся эта авантюра.

К счастью, обошлось без особых эксцессов, и в этот же день «Стингер» был доставлен в Бригаду.

Из Кабула на имя Денисова пришла шифровка, из которой следовало, что он лично должен был сопроводить покупку в Кабул. Утрясая эту проблему, он попутно решил и свой личный вопрос, добившись от руководства Представительства МВД досрочного убытия в отпуск.

Перед отъездом Денисов собрал всех царандоевских советников на своей вилле и объявил, что, по согласованию с вышестоящим начальством, на весь период его отсутствия в Кандагаре обязанности старшего советника возлагаются на меня.

Вот не было печали – называли старшею женой...

* * *

– В настоящее время полковник Денисов находится в очередном отпуске, – четко отпартовал я Варенникову.

– А почему вы в гражданской одежде? Или до вас, капитан, не доводили мое распоряжение, обязательное для всех офицеров, – являться на совещания в форменной одежде со знаками различия?

Ну, началось. Генерал не знал, что у меня отродясь не было собственной форменной одежды. Да еще со знаками различия-отличия. На «боевые» в составе десантных групп шурави я выезжал в обычном камуфляжном комбинезоне, поверх которого в холодное время года надевал обычную китайскую ветровку или куртку. На работу в спецотдел ездил исключительно в гражданке. Были, правда, у меня еще сарбозовские дрешки, которые я надевал по особым случаям, чтобы не выделяться среди афганцев, когда выезжал с ними на зачистки и прочие мероприятия.

– Товарищ генерал, – не моргнувши глазом, внаглую начал врать я, – прежде всего я оперативный сотрудник, а уж потом исполняющий обязанности старшего советника. В соответствии с действующими приказами и распоряжениями моего вышестоящего руководства, оперативным сотрудникам запрещено покидать пределы места постоянного проживания в форменной одежде.

– А почему же тогда Денисов носит форменную одежду? – решил поймать меня Варенников.

Ага. Не на того напал. Врать – так врать до конца.

– Полковник Денисов не является оперативным сотрудником, и на него данное распоряжение не распространяется.

Судя по тому, как зыркнул на меня генерал, я понял, что наш затянувшийся диалог его начинает раздражать. Но и сказать ему больше было нечего. Еще несколько мгновений, размышляя о чем-то своем, генерал гипнотизировал меня своим взглядом.

«Наверное, думает, откуда на его голову упал этот говорливый капитан», – почему-то подумалось мне.

Варенников не спеша перевел взгляд на блокнот, подчеркнул в нем какую-то запись и, еще раз пристально посмотрев на меня поверх своих позолоченных очков, коротко произнес:

– Докладывайте.

Мой доклад продолжался намного дольше, чем предыдущие. Варенников, делавший записи в своем блокноте, ни разу меня не перебил. На одном дыхании я выложил все, что мне было известно в связи с предстоящей операцией.

Самые последние агентурные сведения о противнике поступили буквально за пару часов до совещания. И были они не очень утешительными.

«Духи» уже давно знали, что в провинции будет проводиться серьезная операция, и усиленно к ней готовились. Болтливость, замешенная на душевной простоте наших сограждан, и предательство в высших кругах афганского военного руководства очень здорово помогали душманской разведке.

В своем выступлении я попытался проанализировать имевшуюся в моем распоряжении оперативную информацию, из которой следовало, что предстоящую операцию нужно было начинать совсем по другому сценарию. При этом сроки ее проведения, с учетом подготовительных мероприятий, необходимо было увеличить почти вдвое. Так что куда ни кинь – «блицкриг» никак не получался.

Складывалось такое впечатление, что при разработке плана операции кабульские штабники использовали разведданные неизвестно какой давности. Даже те сведения о противнике,

которые я представил в ЦБУ 70-й бригады за последний месяц, не нашли своего отражения в пояснительной записке к плану операции. Как будто их не существовало вообще.

На сей счет у меня в голове шевельнулась одна мыслишка, но я отогнал ее прочь, поскольку не хотелось верить в то, что такое могло быть на самом деле.

Дело в том, что последние три недели наш шифровальщик – Витюша «Камчатский», прозванный так за свое происхождение, – отлеживался в госпитале по причине обострения у него язвенной болезни, спровоцированной чрезмерным потреблением «кишмишовки». А поскольку я был его дублером, то вся работа по подготовке шифровок и перегонке их через советническую радиостанцию в Кабул полностью легла на мои плечи.

Полуденный сеанс радиосвязи совпадал по времени с заседанием координационного совета на ЦБУ 70-й бригады, на котором представители разведслужб всех советнических контрактов докладывали об имевшихся изменениях оперативной обстановки в провинции.

С тем чтобы со стороны руководства Бригады не было особых нареканий в мой адрес за систематическую неявку на ЦБУ, я передавал всю информацию через Денисова. Благо, он едва ли не ежедневно выезжал на «Майдан» по своим личным и служебным делам. По всей видимости, Денисов просто-напросто не сдавал мои депеши куда следует, считая это не барским делом.

Но то были всего лишь мои ничем не подтвержденные домыслы...

А пока, закончив на мажорной ноте свой красноречивый доклад, я стал ожидать реакции со стороны генерала.

Варенников молчал, сосредоточенно уткнувшись в свои записи. Все присутствующие замерли в напряженном ожидании.

Первым молчание нарушил сам генерал. Слегка покачивая головой, он с сарказмом выдал из себя:

– Ну вот, отцы-командиры, мы и дожили до времен, когда в учителя по стратегии и тактике ведения боя к нам набиваются «мильтоны». Что делать-то будем?

Один из наиболее шустрых «отцов-командиров», вскочив с насиженного места, довольно круто поддержал генерала относительно его высказываний в мой адрес.

Варенников оборвал его на полуслове и с армейской прямоотой спросил:

– Майор! Мать твою! Я что-то запамятовал, чью контору ты здесь представляешь?!

– Отдел оперативного планирования штаба сороковой армии, товарищ генерал армии, – четко отрапортовал майор.

После этих слов генерал побагровел до корней своих седых волос и, стукнув кулаком по столу, еле слышно выдавил из себя:

– А чего стоит весь твой сраный отдел, если он, – генерал ткнул пальцем в мою сторону, – насколько я понимаю, знает больше, чем весь ваш гребаный штаб? Хотелось бы знать, майор, где ты лично был, когда планировали такую серьезную операцию? И был ли ты здесь в окопах, чтобы прочувствовать реальную обстановку, прежде чем вообще что-то планировать? Что ты на это можешь мне ответить?

Поняв, что по собственной дурости попал в непонятку, майор, понутив голову, не пытался даже смотреть в сторону генерала.

– Садитесь, – перешел на «вы» Варенников. – Думаю, что среди присутствующих нет больше подобных умников. Вся беда как раз в том, что милиционер прав. Но ни я, ни все здесь сидящие ничего изменить уже не сможем. Поздно. Маховик раскручен, и все боевые части сороковой армии, дислоцированные на данный момент в провинции, – генерал посмотрел на часы, – менее чем через двенадцать часов начнут выдвижение на исходные рубежи. Время начала первого этапа операции ровно в четыре ноль-ноль утра. Я не знаю, сможет ли что-то или кто-то противостоять нашим войскам в «зеленке» после шестичасовой ее обработки

авиацией и артиллерией, но если последующая затем атака десантно-штурмовых групп захлебнется, спрашивать буду с конкретных виновных.

Варенников объявил о получасовом перерыве, после которого попросил вновь собраться командирам подразделений, непосредственно участвующим в первом этапе операции, для постановки им конкретных боевых задач.

– Ну, ты, Анатолий, даешь! – хлопнул меня по плечу начальник разведки, майор Лазарев. – Ты знаешь, а ведь я думал, что генерал тебя выгонит с совещания.

– Ага, побежал спотыкаясь, – в тон Михаилу ответил я. – Он че, сам, что ли, за меня будет рулить в царандое? Или в сороковой у него все подчиненные перевелись? Вот приду на следующее совещание в духовском малахае да чалме и заявлю, что прямо с контрольной встречи с агентом пришел. Что он тогда скажет?

Михаил рассмеялся, представляя, по всей видимости, как бы все выглядело, но потом, посерьезнев, рекомендательно изрек:

– Да ну его к лешему. Не препирайся ты с ним больше никогда. А то ненароком доведешь нашего «Деда» до инфаркта. Мы-то к нему уж давно привыкли. Ничего вроде мужик. Другие бывают намного хуже. Договорились?

Хлопнув по рукам, на этом мы с Михаилом и расстались.

За пять месяцев до того...

Лето 1987 года в провинции выдалось очень жарким. И в прямом, и в переносном смысле. Вконец обнаглевшие «духи» беспредельничали в Кандагаре не только ночью, но и среди бела дня. Так называемые посты первого пояса обороны города не справлялись с возложенными на них задачами.

Выстроенные на развалинах домов, коих в городе было великое множество, и обнесенные толстенными глинобитными стенами, посты напоминали средневековые миникрепости. Таких крепостей было всего двадцать девять, и размещались они по всему периметру города, на расстоянии не более полукилометра друг от друга.

В зону ответственности царандоя входила южная окраина Кандагара, граничащая с улусвали (уездом) Даман. Это был самый тяжелый в оперативном отношении участок обороны, поскольку наибольшая часть «духовских» бандформирований постоянно находилась в Дамане, совершая оттуда набеги и обстрелы. Всего было оборудовано одиннадцать царандоевских постов с численностью личного состава по тридцать – сорок человек на каждом.

С западной и северо-восточной стороны города располагались посты Ду Кулиурду (2-го армейского корпуса Афганистана), а с северной – хадовские (службы безопасности).

Никакого взаимодействия между постами практически не было. При нападении «духов» на город каждый из них выживал или погибал в гордом одиночестве.

Обитатели мини-крепостей старались жить по принципу «нас не трогают, и мы никому не мешаем». «Духи» довольно быстро прознали о страусиной политике обитателей постов и стали методично уничтожать их один за другим. За лето 1987 года, наверное, не было такого поста, который бы не подвергся нападению со стороны «духов». Несколько они разрушили до основания, а их обитателей убили или захватили в плен. Посты заново восстанавливались и обустривались, но спустя некоторое время все повторялось заново. Только за июнь – июль 1987 года потери в живой силе на царандоевских постах первого пояса обороны составили не менее двухсот человек. Моральный дух военнослужащих был на самом низком уровне.

Основной причиной тому была порочная практика комплектования личного состава постов за счет всякого рода «штрафников», допускавших нарушения дисциплины при несении службы в подразделениях царандоя. Афганцы один к одному скопировали у шурави принцип ротации личного состава постов, установив на них двухмесячный срок службы. Тот, кто за время такой «командировки» умудрялся остаться в живых, не допустив при этом нарушений воинской дисциплины, имел полное право дослуживать оставшийся до дембеля срок в более спокойном месте.

Находились и «инициативные сарбозы», которые сами напрашивались оставить их служить на постах сверх положенного срока. К подобным энтузиастам командование царандоя относилось с явным недоверием и опаской, полагая, что на такое может решиться полнейший «дивана» (дурак), каковые довольно часто встречались среди афганских солдат, или же засланный из «зеленки» «казачок». В лучшем случае им мог оказаться отпетый мародер и шкурник, наживавшийся на мирных жителях и наркоторговцах, ежедневно шастающих мимо постов из «зеленки» в город и обратно...

* * *

Еще весной 1986 года политическое и военное руководство провинции пришло к единому мнению: вокруг Кандагара должен быть создан второй пояс обороны. Доводы были основательно аргументированы. Имевшиеся на ту пору у «духов» китайские реактивные установки, безоткатные орудия и прочее тяжелое вооружение давали им возможность ведения обстрела

города с расстояния пяти-десяти километров. Вытеснение «духов» из этой зоны позволяло обезопасить от ежедневных обстрелов располагавшиеся в Кандагаре военные и стратегические объекты.

Сказано – сделано. Обосновали доводы на бумаге и отослали ее в Кабул. Инициативу поддержали на самом высоком уровне как с афганской, так и с советской стороны. К весне 1987 года после серии удачных и не совсем удачных операций, а также глобальных зачисток с применением «коврового» бомбометания и артиллерийской обработки «зеленки» системами залпового огня «Ураган» и «Град», удалось-таки потеснить «духов» и выставить посты второго пояса обороны. Линия обороны протянулась на удалении пятнадцати – двадцати километров от Кандагара.

Но недолго музыка играла.

Продержались эти самые посты обороны недолго. Как только закончился священный месяц рамадан и «духи» немного отъели свои животы, отошавшие за время поста, началась такая катавасия.

Моджахеды вплотную подходили к постам и через мегафоны агитировали солдат к переходу на их сторону, обещая неземные блага. Если агитация не помогала, укрепления подвергались массированным обстрелам. Защитников постов второго пояса обороны, не успевших вовремя разбежаться по домам или добровольно сдаться в плен, «духи» убивали с особой жестокостью. Большинство постов были не просто разгромлены, а практически стерты с лица земли.

Из девяти царандоевских постов уцелели только первые четыре. Уцелели не потому, что защищавшие их сарбозы были героями. Просто-напросто они находились в непосредственной близости от застав 70-й бригады, в зону ответственности которых входили объекты Кандагарского аэропорта. Шурави были своеобразным щитом, оберегавшим царандоевцев от нападений «духов». Командиры этих постов смогли наладить связь с командирами застав и при осложнении обстановки просили их об огневой поддержке. В качестве ответного жеста доброй воли царандоевцы сливали всю известную им информацию о «духах», занимавшихся обстрелами и нападениями на шурави.

Личному составу остальных пяти царандоевских постов не повезло. Практически все они погибли, так и не сумев прорваться сквозь моджахедовскую блокаду.

Видимо, память у людей совсем короткая. Иначе стали бы они дважды наступать на одни и те же грабли...

Не прошло и года, и вот уже новые горячие головы в военном и политическом руководстве провинции, а также в штабе 40-й армии начали заново муссировать идею создания второго пояса обороны. Но теперь к имевшимся ранее веским доводам добавился еще один – намечавшийся на 1988 год вывод советских войск из Афганистана. Предполагалось, что армада советской военной техники, скопившаяся в гарнизонах южных и юго-восточных провинций Афганистана, в Союз пойдет своим ходом и, скорее всего, для этой цели будет использована дорога, протянувшаяся дугой по всему югу страны.

Расквартированные на ту пору в Кандагаре войсковые подразделения афганских силовых ведомств представляли собой жалкую пародию на то, чем они назывались.

Второй армейский корпус Афганистана как самостоятельная боевая единица был таким лишь на бумаге. При штатной численности личного состава корпуса около трех тысяч человек в нем служило не более восьмисот. Да и что это были за военнослужащие! Около трехсот человек маленьких и больших начальников в званиях от сержанта до генерала, удачно пристроившихся в этой жизни, равным счетом ничего не делали и не несли за это никакой ответственности. Еще для человек двухсот военная служба была просто медом, поскольку они нашли для себя не пыльную работу в виде каптерщиков, писарей, поваров, мальчиков на побегушках и прочих чмошников. Оставшиеся человек триста сарбозов и сательманов и были той

самой «ударной» силой афганских военных, которую командование корпуса бросало на латание брешей, появляющихся в обороне города после очередной вылазки «духов». На полусотню танков и «бээмпэшек», стоявших в боксах корпуса, не набиралось и полутора десятка экипажей.

Не в лучшей ситуации находился и провинциальный царандой, тоже хронически страдающий от недокомплекта личного состава. Центральный аппарат провинциального управления Царандоя и его оперативные подразделения, состоявшие в основном из офицеров, были укомплектованы процентов на семьдесят. Это считалось очень высоким показателем, чего нельзя было сказать об оперативном и специальном батальонах, где численность рядового и сержантского состава никогда не поднималась выше сорокапроцентной отметки. К лету 1987 года, после проведения в провинции ряда серьезных операций, оба батальона заметно потеряли в живой силе и по численности личного состава представляли собой жалкое зрелище «кастрированных» рот.

Больше всего досталось 34-му оперативному батальону. Командиром опербата был майор Алим, который за личную отвагу не раз награждался орденами и медалями ДРА. За летнюю кампанию 1987 года его даже представили к высшей награде Афганистана, но награжденные документы застряли где-то в верхах и он вообще ничего не получил. Ходили слухи, что виной тому было парчамистское прошлое Алима, которое ему не могло простить халькистское руководство МВД ДРА.

Что уж говорить о текучести и недокомплекте рядового и младшего начальствующего состава царандоя, если только за последний год в провинции сменилось четыре командующих этого ведомства!

Еще весной 1987 года командование провинциального царандоя приняло решение о реформировании районных отделов – РОЦов. За счет проведения данного мероприятия численность личного состава РОЦ автоматически увеличивалась более чем в три раза. По завершении реорганизации планировалось вывести военнотружеников строевых подразделений с постов первого пояса обороны, заменив их сотрудниками РОЦ. Дело оставалось за малым – доукомплектовать РОЦы личным составом, обеспечив их вооружением, обмундированием, питанием и минимальным набором бытовых услуг.

Третьей силовой структурой в Кандагаре был ХАД – госбезопасность.

Управленческий аппарат этого по сути своей карательного органа размещался на территории шестого района города, в современном двухэтажном особняке, принадлежавшем до Саурской революции одному из кандагарских богачей. Оперативные подразделения ХАДа были разбросаны по всему городу, и зачастую местные жители и не предполагали, что за «контора» обосновалась у них по соседству.

Основной убойной силой кандагарского ХАДа был специальный батальон, возглавляемый майором Джабаром. Легенды о храбрости, коварстве и жестокости Джабара ходили далеко за пределами провинции. Он не боялся ничего и никого. «Духи» в одинаковой мере побаивались и ненавидели Джабара и его подчиненных, стараясь держаться подальше от тех мест, где появлялся этот гэбэшный батальон.

Джабар умело использовал позаимствованную у грушных спецназовцев тактику просачивания в «зеленку» под видом мирных жителей с последующим внезапным нападением и уничтожением «духов» в их же логове. Кстати, именно Джабар располагал самой многочисленной и разветвленной сетью агентуры в «зеленке», снабжавшей его самой достоверной информацией о намерениях моджахедов. Джабар был на хорошем счету у советского командования и особенно у спецназовцев ГРУ, которые довольно часто проводили с его батальоном совместные рейды по тылам противника в поисках караванов с оружием и наркотиками.

В подчинении у ХАДа был еще пограничный батальон, дислоцировавшийся в кишлаке Спинбульдак, в непосредственной близости от пакистанской границы, да еще пара тысяч малишей (ополченцев), от которых вреда было больше, чем пользы.

Вот, пожалуй, и все, на что органы государственной власти Кандагара могли рассчитывать в случае резкого обострения политической и военной обстановки в провинции.

Согласно обобщенным разведанным, по состоянию на июль 1987 года в Кандагарской провинции действовало около трехсот бандформирований, объединявших в своих рядах более пятнадцати тысяч моджахедов. И это были только официально подтвержденные данные об отрядах непримиримых моджахедов, ведущих вооруженную борьбу с госвластью и шурави. А сколько по провинции шастало не объединенных священным джихадом бандитов, мародеров, наркоторговцев и прочего дерьма собачьего – об этом не знала ни одна разведка...

Афганский вариант мобилизации рекрутов

То, что в провинции затевается что-то серьезное, мы почувствовали буквально через пару месяцев после визита в Кандагар президента Афганистана Наджибулы. Командованию всех силовых ведомств из Кабула поступило распоряжение: за счет местных жителей призывного возраста незамедлительно приступить к проведению комплекса мероприятий, направленных на доукомплектование боевых частей.

Надо отдельно отметить, что призывной возраст по афганским законам того времени колебался от 18 до 55 лет. Но законы в этой стране никогда не соблюдались, и под призывную «гребенку» забирали всех подряд, невзирая на возраст. На военную службу попадали и шестнадцатилетние юнцы, и седые старики. Состояние здоровья или же какие-либо физиологические дефекты, имевшиеся у призывников, в счет не брались.

Призывная компания в Афганистане имела свои национальные особенности, разительно отличавшиеся от тех, что мы привыкли видеть у себя на Родине.

Мероприятия, связанные с призывом гражданского населения на военную службу, систематически проводившиеся по всему Афганистану, а если быть точнее – в той его части, которая находилась под контролем госвласти, были сравнимы с войсковой операцией.

Делалось это примерно следующим образом.

В самый разгар торговли на одном из кабульских базаров (читай – в любом городе Афганистана, находящемся под контролем госвласти) его по периметру окружали солдаты царандоя или какого-либо другого силового ведомства. Далее следовала зачистка толпы. Особ женского пола отпускали без проверки, сполна отыгрываясь на мужиках.

Если у проверяемого не оказывалось при себе документа, удостоверяющего личность или дающего право на освобождение и отсрочку от военной службы, он задерживался и доставлялся на один из многочисленных фильтрационных пунктов. Филтрупункты, как правило, размещались на территории воинских частей или в подразделениях царандоя и ХАДа.

Чтобы рекруты не разбежались раньше времени, придумывались различные способы их доставки к месту дальнейшей проверки. В Кабуле для этой цели использовались грузовики с высокими бортами, зарешеченными сверху стальной сеткой. Такая оборудованная машина напоминала собачий ящик, в котором у нас дома возят отловленных бродячих псов. Задержанные афганцы сидели в этой импровизированной ловушке на корточках, поскольку встать в полный рост было просто невозможно. Набивали народу ровно столько, сколько могло влезть. О временных неудобствах никто и не вспоминал.

На фильтрационных пунктах все задержанные тщательным образом опрашивались. Довольно часто среди них выявлялись «духи» или их связники, проникшие в город с определенными целями. Их увозили для дальнейшего разбирательства в ХАД или царандой.

С теми, чья личность была окончательно установлена, начинали работать сотрудники военкомата. Можно смеяться или сомневаться, но были таковые и в Афгане. А натаскивали их наши же военные советники...

* * *

Неизвестно, о чем думали кабульские военные умники, отдававшие приказ о проведении тотальной мобилизации в Кандагаре – в городе, по центральным улицам которого и в дневное время было опасно ходить. А что уж говорить про закоулки и лабиринты старого города, куда представители госвласти вообще не совали свой нос.

Но приказ есть приказ, и он, как известно, обсуждению не подлежит.

Для его выполнения был разработан план мероприятий, который подписали руководители всех силовых структур провинции. Потом этот план согласовали с руководством провинциального комитета НДПА, с губернатором Сахраи, и после всех бюрократических проволочек, связанных с регистрацией, размножением, рассылкой и доставкой к месту назначения, он наконец-то попал в царандой.

Уже на следующий день в Кандагаре началась массовая облава на представителей мужского пола. Не обошлось и без перегибов – одного и того же человека задерживали по несколько раз за день: сначала царандоевцы, затем хадовцы и напоследок военные. На следующий день все повторялось заново, но уже в другой последовательности. Мужская часть населения резко исчезла с улиц Кандагара. По городу бродили только древние старцы да бегали босоногие бачата.

Прошло несколько дней мобилизационной зачистки, которая так и не принесла желаемого результата. Все силовики отлично понимали бесперспективность затеи с тотальной мобилизацией, но расписываться в собственной беспомощности никто первым не хотел. Для пущей важности повоевали еще с неделку. Общими усилиями мобилизовали до полусотни человек, большая часть которых разбежалась или откупилась еще до окончания операции.

Посидели, подумали хитромудрые силовики, что же им докладывать своему руководству в Кабул. И придумали.

Послали идентичные депеши о том, что все мужское население Кандагара призывного возраста проживает или прячется исключительно в «зеленке», куда без проведения специальной войсковой операции никак нельзя попасть. Получался какой-то замкнутый круг.

Теперь уже кабульское начальство задумалось над тем, как выходить из создавшегося положения. В конце концов, было принято решение об оказании «гуманитарной» помощи кандагарским коллегам.

По линии царандоя в Кандагар были откомандированы три батальона, в том числе 48-й БСГ (горный батальон) и два строевых батальона из северных провинций. Аналогичные подразделения были направлены и по линии остальных силовых ведомств.

Отправляли по принципу «на тебе, Боже, что нам не гоже». Все батальоны были жалкой пародией на то, что означало само это слово. Так, в 48-м БСГ численность личного состава, прибывшего в Кандагар, насчитывала всего 38 человек, в том числе четверых офицеров, восемь сержантов и двадцать шесть рядовых. Остальные два батальона находились в еще более плачевном состоянии. Не хватало стрелкового оружия, боеприпасов, зимнего обмундирования. Не было элементарных вещей – палаток, кроватей, одеял, походных кухонь и много чего еще. Все это на безвозмездной основе должен был предоставить кандагарский царандой, который на ту пору сам не жировал. Для царандоевского ложистика (тыловики) и его советника Николая наступили самые черные дни службы.

Следующий этап подготовки подразделений царандоя к предстоящей операции был связан с их доукомплектованием хотя бы наполовину от штатной численности. Поскольку на местном уровне это было сложно решить, в Кабуле приняли решение – всех новобранцев осеннего призыва, собранных в северных провинциях Афганистана, направить в Кандагар.

Надо было видеть, как все это происходило. Призывников – тех самых, из «собачьих ящиков» – свозили в Кабульский аэропорт. Там им красиво врали о том, что все они будут направлены для дальнейшего прохождения службы в северную провинцию Балх, в город Мазари-Шариф. Рекрутов это устраивало, поскольку то место, где они должны были провести ближайшие два года, было одним из самых спокойных в военном отношении местом в Афгане.

Переброску новобранцев осуществили разом, несколькими советскими военно-транспортными самолетами. Делалось это из тех соображений, что молва в Афгане разлетается быстрее самолета и со следующей партией рекрутов подобный фокус наверняка не прошел бы.

Сойдя с самолетов, рекруты с ужасом для себя узнали, что находятся в Кандагаре. В городе, покрывшем себя дурной славой оплота афганских моджахедов.

С некоторыми из них тут же на летном поле случалась истерика. Они начинали рвать на себе волосы, кричать благим матом, бросаться с кулаками на встречавших их «покупателей».

Еще находясь около взлетно-посадочной полосы, некоторые рекруты, воспользовавшись общей суматохой, стали разбегаться кто куда. Отдельные беглецы пересекли полосу и при попытке уйти в сторону горного хребта попали на минные поля, где и погибли. Все это произошло на глазах у остальных новобранцев и подействовало на их психику не лучшим образом.

При дальнейшей перевозке на грузовиках и автобусах в Кандагар несколько рекрутов сбежали, выпрыгнув на ходу из автомашин. Гоняться за ними по «зеленке» у сопровождавших их царандоевцев не было никакого желания, а открывать огонь на поражение не было приказа. О дальнейшей судьбе беглецов можно было только догадываться. Частью они прямоком попали в банды, да так там и оставались. Получалось так, что кабульское руководство, само того не желая, подпитывало движение сопротивления свежими силами.

Но это было еще не все.

Новобранцы, из тех, кого все-таки удавалось привезти в Кандагар, еще до принятия присяги неоднократно имели возможность сбежать, чем большинство из них уже в ближайшие дни не преминуло воспользоваться. Наиболее выдержанные или дюже уж хитрые рекруты дезертировали после того, как им выдали оружие. И хорошо, если они сбежали втихую, не причинив никакого вреда окружающим. Бывали случаи, когда дезертиры убивали своих сослуживцев, захватывая при этом их оружие. Такие беглецы были желанными гостями у «духов», и уже в ближайшее время афганские и советские военнослужащие имели возможность встретиться с ними в бою.

Накануне...

В ноябре кандагарская «зеленка» из-за опадающей с деревьев и виноградников листвы становилась относительно прозрачной, и большинство «духов» уходило со своими семьями в лагерь беженцев, размещавшиеся в приграничных пакистанских городах Чаман и Кветта. Туда же уходили и мирные жители. Наступающие зимние месяцы не сулили им ничего хорошего. Да и что можно было делать в «зеленке» зимой, в период муссонных дождей. Урожай винограда был собран, высушен и продан оптовикам. Травяной покров оскудевал до такой степени, что не мог обеспечить кормом многочисленные отары овец.

Так было во все времена.

Но в ноябре 1987 года события развивались по совершенно иному сценарию.

Примерно 25 ноября один из агентов спецотдела царандоя оставил в специально оборудованном тайнике рукописную копию секретного приказа руководителя южного фронта Исламской партии Афганистана. Всем кандагарским моджахедам, воевавшим под знаменами этой партии, предписывалось немедленно приступить к подготовке отражения атак, которые в ближайшее время будут предприняты госвластью и шурави.

Внимательно изучив пункты данного приказа, я был поражен степенью осведомленности душманского руководства о планах Кабула. Оставалось только позавидовать тому, на каком уровне у противника была поставлена разведка. Ведь не простой же офицер сливал им информацию о замыслах высшего военного и политического руководства страны. Душманский «крот», осевший в Кабуле, был как минимум в звании полковника или даже генерала.

Содержание секретного приказа «духов» мы с моим подсоветным Амануллой в тот же день доложили каждый по своей инстанции. Последовавшую за этим реакцию можно было описать одним словом – шок. Откуда и, самое главное, от какого источника была получена информация?!

С Амануллой мы работали вместе уже второй год. Ценить источники негласной информации и всячески оберегать их от возможного провала я приучил своего подсоветного с первых же дней совместной работы. Договорились, что будем врать одновременно и в один голос. Вдвоем придумали легенду, согласно которой секретный приказ был обнаружен под подкладкой сюртука «духа», убитого накануне солдатами царандоевского поста первого пояса обороны. Благо такой факт накануне действительно имел место и труп «духа» вторые сутки лежал во дворе спецотдела, дожидаясь официального опознания.

Поверили, однако. Но одновременно высказали предположение, что это может быть провокационная уловка со стороны «духов», поскольку о планирующейся операции никто еще толком ничего не знал.

Вот те здрасьте! Выходило, что сидящие в зеленке «духи» знали больше, чем те, кто по должности своей должен был знать это в первую очередь. В мою душу закралось сомнение в искренности начальства. Не иначе как опять переигрывают, давая тем самым понять, что пока еще рано мне знать о том, что уже известно им. Да и шут с ними. Может, это и лучше – меньше знаешь, крепче спишь.

Полученная информация требовала дополнительной проверки через другие независимые источники, которые смогли бы подтвердить или опровергнуть ее. В срочном порядке мы ориентировали всю агентуру максуза (спецотдела) и джинаи (уголовного розыска), нацелив ее на интенсивное изучение складывающейся вокруг Кандагара оперативной обстановки.

Результаты превзошли все ожидания. Уже через пару дней командир договорной банды Абдулла через своих связников подтвердил мои наихудшие опасения. «Духи» полным ходом приступили к сплошному минированию дорог, ведущих из Кандагара в уезды Даман, Аргандаб и Панджвайи. Люди Абдуллы обратили внимание на то, что при минировании дорог «духи»

совершенно не использовали дорогостоящие противотанковые «итальянки», перейдя на более упрощенный и дешевый способ минирования с помощью фугасов. В ночное время суток на проезжей части дороги вырывалось сразу несколько ям, в которые закладывались неразорвавшиеся советские авиабомбы, боевые части ракет и крупнокалиберные снаряды. Общий вес заряда взрывчатых веществ, закладываемых в каждой яме, составлял от десятков до сотен килограммов тротила. Никаких премудрых датчиков-детонаторов не использовалось. Просто-напросто в яму с взрывчаткой укладывалась обычная батарейка, упакованная в целлофановый пакет, а к ней присоединялся один или несколько электродетонаторов, помещаемых в детонационные отсеки бомб и снарядов. В качестве замыкателя электрической цепи использовали несколько осколков бомб, снарядов или просто старые гвозди. К ним присоединялись тонкие провода, являвшиеся частью электрической цепи замыкателя. Осколки, слегка вдавленные в грунт, как бы невзначай раскидывались по полотну дороги. Рядом разбрасывалось еще несколько осколков, которым была отведена роль отвлекающего фактора для советских саперов. Такой импровизированный фугас взрывался только после того, как на осколки-замыкатели наезжал стальной трак гусеницы танка или бронемашин. Электрическая цепь замыкалась, и происходил взрыв. Шансов выжить экипажу боевой машины и сидевшим на ее броне десантникам не оставалось никаких.

Объяснимо было и то, почему «духи» занялись минированием задолго до начала операции. Для афганских «бурубухаек» на резиновом ходу фугасы были совершенно безвредны. И в то же время грузовики укатывали дорожное полотно в местах закладки зарядов до такой степени, что нашим саперам с их доисторическими щупами там делать было нечего. Да и с помощью металлоискателя заряд невозможно было отыскать – трудолюбивые «духи» закапывали фугас на такую глубину, где прибор его просто не брал.

Одновременно с минированием дорог «духи» активизировали ночные нападения на посты первого пояса обороны города. Самое примечательное было в том, что на этот раз они нападали не на южные царандоевские посты, как это было ранее, а на северные – армейские. Своими атаками с севера «духи» пытались дезориентировать советское командование при разработке им плана предстоящей операции и определении приоритетного направления главного удара.

И я, и мои друзья из кагэбэшного контракта, да и грушники тоже отлично понимали, что накануне проведения войсковой операции «духи» обязательно вступят в игру с советскими и афганскими разведывательными и контрразведывательными органами. Наступал решающий момент в противостоянии разведок двух враждующих сторон – кто кого переиграет.

На данном этапе особое значение играли опыт афганских оперативных сотрудников и их умение мыслить аналитически. Переработка огромной массы поступающей информации, сопоставление взаимоисключающих сведений, вычленение «дезы» и многое другое способствовало своевременному разгадыванию тактики игры, навязываемой вражеской разведкой. Вступая в информационную дуэль, противники начинали подыгрывать друг другу, втягивая в игру все больше и больше негласных сотрудников.

Вот тут-то и наступал «момент истины». Грамотно используя его, любая из враждующих сторон имела реальную возможность вычислить в своих рядах и двурушников, и «кротов», и прочий неблагонадежный элемент. И необязательно было после этого принимать к предателям радикальные меры. «Крота» можно было использовать вслепую, передав через него хорошо подготовленную дезинформацию.

Поскольку «духи» постоянно находились в «зеленке», решающее значение на первом этапе проведения операции имела внезапность нанесения по ним мощного и, самое главное, точного упреждающего удара.

Для достижения этой цели был использован самый простой и в то же время самый надежный способ дезинформирования противника. За несколько дней до начала операции совет-

ники царандоя и ХАДа одновременно довели до сведения своих подсоветных «совершенно секретную» информацию о том, что в ближайшие дни силами советской авиации и артиллерии по «зеленке» будет нанесен мощнейший удар. При этом была озвучена и конкретная дата нанесения этого удара, на сутки отличавшаяся от истинной. Подсоветным было рекомендовано в завуалированной форме проинформировать своих агентов о нецелесообразности их пребывания в «зеленке» в час «икс». Расчет был очень прост. Двuruшники не упустят возможности заработать легкие деньги и обязательно сообщат своим истинным хозяевам о намерениях неверных.

Параллельно с этим фортеlem по официальным афганским каналам прошла информация, ставившая в известность руководство органов власти провинции о том, что долгожданная операция по выставлению постов второго пояса обороны Кандагара начнется в самые ближайшие дни. При этом о конкретной дате начала штурма «зеленки» ничего не сообщалось. Делалось это умышленно, для придания большей интриги разворачивающимся в провинции событиям. Через испорченный телефон неформального общения намекнули на то, что в первом этапе операции участвуют только шурави, и поэтому афганцам не обязательно знать, что скрывается от них под грифом секретности.

Спектакль был разыгран настолько классически, что и «духи», и их соглядатаи, засевшие в казенных кабинетах Кандагара и Кабула, проглотили брошенную нами наживку.

Располагая «достоверной» информацией о сроке начала операции, «духи» решили наказать неверных и нанести по их позициям упреждающий удар. В числе намеченных ими объектов для нападения был аэропорт со складами ГСМ и боеприпасами, ооновский городок, палаточный городок батальона спецназа ГРУ, долговременные позиции «Ураганов», «Градов» и «Гиацинтов». Для достижения задуманного «духи» срочно перебросили в уезд Даман более двух десятков групп, на вооружении которых имелись мобильные реактивные установки, безоткатные орудия и минометы. На исходные позиции они начали выдвигаться ночью, за двое суток до известного им срока начала операции. Занимали ранее пристрелянные позиции, с тем чтобы уж наверняка и как можно эффективнее досадить шурави.

На следующий день «духи» приступили к скрытой рекогносцировке на местности. Отлично понимая, что первые же произведенные ими залпы ракет демаскируют позиции пусковых установок, «духи» наметили пути экстренной эвакуации и подготовили запасные площадки для ведения стрельбы. В целях недопущения утечки информации о задуманном «духи» выставили по всей «зеленке» кордоны и секреты, запретив кому-либо покидать ее территорию в ближайшие двое суток. При выявлении нарушителей данного распоряжения таковые подлежали немедленному уничтожению как вражеские лазутчики.

Но хитро-мудрые «духи» немного просчитались.

В то время, когда проходило совещание в Бригаде, один из связников договорной банды Абдуллы по кязирам пробрался в город и на словах передал Аманулле ценную информацию о замыслах «духов». Отлично понимая, о чем идет речь, Аманулла сам приехал в «Компайн» и дождался моего возвращения с совещания. Коротко изложив суть дела и передав разведанные координаты боевых позиций «духов», Аманулла укатил обратно в город.

Поскольку у царандоевских советников не было ни телефонной, ни радиосвязи с Бригадой, нужно было как-то выходить из сложившейся ситуации. Иногда, когда нужно было что-то срочно передать в Бригаду, мы пользовались радиостанцией артиллеристов. Но в данном случае не хотелось лишний раз рисковать. Кто мог дать гарантию, что «духи» не перехватят и не расшифруют сообщение.

Идею подсказал полковник Савин – советник начальника тыловой службы 2-го армейского корпуса, проживавший по соседству с нами. Он порекомендовал мне передать шифровку в Кабул, с последующей переадресовкой ее в штаб 40-й армии. А уж военные пускай сами думают, как довести ее до сведения Варенникова. Я так и сделал. Слепил быстренько «шифр»

и отправил его в Кабул. На словах договорился со своим радиокорреспондентом о том, что через пару часов мы свяжемся вновь и он сообщит мне результат.

В условленное время я услышал в динамике свой позывной, после чего прозвучала фраза: «Груз доставлен адресату».

– Ну, «душары»! Ну, держитесь, гады! – злорадствовал я.

Машинально глянул на часы. Было ровно 21.00.

До начала операции оставалось всего семь часов...

Началось!

Случайное совпадение или же это было специально так задумано, но начало операции 11 декабря пришлось на джуму, обычную пятницу, какая была для всех мусульман мира выходным днем.

Советники всех контрактов в этот день тоже не работали, отсиживаясь или отлеживаясь по своим виллам и занимаясь «бытовухой». Спешить было некуда, да и не к кому, поскольку подсоветные в этот день отдыхали. Война войной, а выходной – по расписанию...

Накануне у царандоевских советников, проживающих на 13-й вилле, был банный день, затянувшийся далеко за полночь и закончившийся небольшим скандалом.

Дело в том, что новый сосед с 11-й виллы, военный советник начальника штаба 2-го армейского корпуса Афганистана, привел в нашу баню человек восемь гостей, с которыми в этот день бухал по поводу своей «прописки». После их помывки бассейн в бане был весь засорен листьями от банных веников. Обнаружив беспорядок, я демонстративно повел соседа в баню и, указав на оставленный им и его друзьями бардак, сделал первое и последнее предупреждение: популярно объяснил, что при повторении подобного факта лично он будет отлучен от бани на весь оставшийся срок пребывания в Афгане. Тем паче, что к ее строительству он не имел никакого отношения. Культурно так и вежливо попросил полковника привести бассейн в порядок. Сначала сосед попытался напомнить, что он вроде бы целый полковник, а я всего лишь капитан и из соображений воинской субординации как бы не должен делать ему каких-либо замечаний. Не имея никакого желания вдаваться в полемику по данному вопросу, я порекомендовал полковнику засунуть свои большие звезды себе в задницу. При этом не упустил случая намекнуть ему о том, что не являюсь его прямым подчиненным и в настоящее время здесь, в провинции, имею больше полномочий, чем он со своими большими погонами. Из собственного опыта я знал, что таких «орлов» надо сразу ставить на место, иначе потом они своей борзотой начнут приносить беды. И себе, и окружающим их людям...

Спать совсем не хотелось. Зная о том, что произойдет на исходе ночи, старались хоть как-то отвлечься от тяжелых мыслей. Сидели на кухне под летучей мышью и часов до двух расписывали одну за другой партии в «кинга». В конце концов это всем осточертело и, решив хоть немного выспаться, мы разошлись по своим комнатам.

...Черная южная ночь была еще в полном разгаре, когда мы проснулись от страшного грохота. Несмотря на то что все царандоевские советники знали о времени начала операции, первые канонады «Гиацинтов» и систем залпового огня прогремели внезапно и, сорвав нас с кроватей, вынесли на улицу. Земля ходила ходуном, как при землетрясении. Все, кто проживал на нашей вилле, выскочили во двор практически без верхней одежды. Чтобы лучше рассмотреть, что творится в «зеленке», залезли на плоскую крышу виллы.

Зрелище было впечатляющим. Вся «зеленка» в Дамане была покрыта всполохами разрывающихся бомб, снарядов и ракет. Для себя я отметил, что наиболее интенсивно обстреливаются именно те кишлаки, о которых я накануне сообщил Варенникову во время совещания и уже позже вечером – через «Центр». Стало быть, штабники приняли к сведению мою информацию. Было приятно осознавать, что в этом большом деле есть и твоя доля участия. Хотя бы таким образом.

Мысленно представил, что сейчас творится в «зеленке». «Духи», поднятые на ноги обстрелом, мечутся, укрывая свою технику и вооружение. Вспышки разрывов отсвечиваются на их телах, перекошенных от злобы и страха лицах, создавая одновременно множество теней. Тени прыгают по дувалам, стенам разрушенных домов, скользят по земле...

В данной ситуации у «духов» было только два пути избавления от свалившейся на голову напасти: бежать подальше от огненного смерча или зарываться глубоко в землю, в заранее подготовленные схроны.

Для тех, кто выбрал первый вариант, шурави приготовили очередную пакость. После пятнадцатиминутной обработки «зеленки» обычными боеприпасами в ход пошли сюрпризы. Мне не был знаком тот их вид, который иногда применялся против «духов», но между собой мы его прозвали «сварочным аппаратом». Военные советники говорили нам, что это были кассетные бомбы. От разрыва такой бомбы большую площадь «зеленки» накрывал яркий огненный купол, состоящий из множества огней, горящих, словно сварочные дуги. «Духи», спасавшиеся от осколков «сварочного аппарата», в дополнение ко всему хватали «зайчика» и на ближайшие пару-тройку дней выходили из строя.

Когда впервые эти боеприпасы были применены в Афгане, «духи» посчитали, что на них сбросили атомную бомбу. Подконтрольные моджахедам СМИ подняли такую шумиху, что этим фактом заинтересовались американские и пакистанские спецслужбы. Никакой радиации обнаружено не было, и через пару месяцев все затихло само собой, поскольку выяснилось, что американцы аналогичное оружие успели применить во время вьетнамской войны.

Мы стояли на крыше виллы и зачарованно смотрели на то, что творилось в «зеленке». Даже на таком большом расстоянии смотреть на работу «сварочного аппарата» было небезопасно для зрения. Здравый смысл взял верх над любопытством, и мы решили уйти со своего наблюдательного пункта. Да к тому же что-то стало холодать. Забыли совсем, что стоим почти раздетые, а на улице не больше трех градусов тепла. Зима все-таки.

Остатки сна разлетелись совсем. Да и можно ли было уснуть под такую канонаду.

Через пару часов начало светать, и мы вновь услышали отдаленный гул летящих штурмовиков.

Для «духов», выбравших второй вариант защиты, наступали не лучшие моменты жизни. «Грачи» несли на своих крыльях бомбы весом до полутонны. А бомбы тоже были всякие да разные. Были и такие, что находили «духов» глубоко под землей. Их-то первыми и сбросили на «зеленку». Клубы дыма и пыли в виде серых грибовидных облаков поднялись почти на километровую высоту и еще долго висели там, меняя свою окраску в лучах восходящего солнца.

После девяти часов утра артиллерийская канонада стала немного затихать. «Работал» только дивизион «Ураганов», который перенес огонь своих установок на цели в уезде Панджавайи. Ракеты, набирая сверхзвуковую скорость над Даманом, ложились на боевой курс, унося смертоносную начинку своих боеголовок за гряды скал, растянувшихся от «Черной площади» до пустыни Регистан...

* * *

Еще были слышны разрывы снарядов в «зеленке», а по дороге с «Майдана» в Кандагар уже загрохотали гусеницами танки и бээмпэшки. Извивающаяся длинной змеей колонна бронетехники, огибая ямы и воронки, медленно ползла вперед по разбитой дороге.

В голове колонны шли несколько машин разминирования с подвешенными на них трапами. Стальные катки тралов, прицепленные к хитроумной конструкции из швеллеров и цепей, нехотя переваливаясь с боку на бок, катились спереди бээмэрок, копируя профиль дороги и вдавливаясь в нее всей своей массой. Следом за бээмэрками шли несколько танков, обвешанных со всех сторон решетчатыми гранатоуловителями. Жерла танковых пушек, развернутых в сторону Дамана, были готовы в любое мгновение изрыгнуть смертоносную начинку. За танками вперемежку шли бэтэры, бээмпэшки, бээрдэмки, бээмдэшки и «Нюрки», на которых восседали десантники 1-го и 2-го десантно-штурмовых батальонов. В промежутках между бронемашинами следовали «Уралы» и ЗИЛы, груженные боеприпасами, дровами, продуктами

питания и еще Бог весть чем. К отдельным машинам сзади были прицеплены пушки, минометы и полевые кухни.

В то время, когда первая бээмэрка поравнялась с «Компайном», замыкавшая колонну бээмпэшка только-только начинала спускаться с виднеющегося на востоке перевала.

Колонна шла мимо «Компайна» не менее сорока минут. Мы попытались сосчитать, сколько же машин было в ее составе, но, досчитав где-то до сорока, запутались и сбились со счета. Если учесть, что интервал между машинами был не больше сорока метров, получалось, что колонна вобрала в себя около полутора сотен единиц боевой техники и автомашин.

Большие колонны нам доводилось видеть и ранее, и ничего особенного в этом не было. Не более месяца тому назад при проведении крупномасштабной операции «Магистраль» через Кандагар на Хост только в течение одного дня прошло около восьмисот единиц бронетехники и автомашин. Но чтобы Кандагарская бригада почти в полном составе выезжала на операцию! Я за свою бытность в Афгане не мог такого припомнить...

Первые боевые потери

Кандагар встретил советских солдат пустынными улочками и закрытыми дуканами. Складывалось такое впечатление, что население города в одночасье вымерло. Даже бродячие собаки, имевшие привычку облаивать колонны советских грузовиков, в этот пасмурный день куда-то исчезли. Возможная причина такого поведения афганцев заключалась в том, что была джума. Однако хотя в джуму колонны шли через город и ранее, такого безлюдья прежде никогда не наблюдалось. Скорее всего, этому явлению было совсем иное объяснение. Шестичасовая «ковровая» обработка «зеленки» заставила призадуматься многих кандагарцев. Ведь в бандах находились их отцы, братья и мужья. Что случилось с ними, и вообще, осталось ли что-то от них после устроенного шурави ада? Никто еще ничего не знал. Оставалось только молиться да просить Аллаха, чтобы он сохранил им жизни.

Вот из полуразрушенного дувала выползла древняя старуха. Выкрикивая какие-то непонятные фразы и размахивая над головой высохшими кулачками, она попыталась преградить дорогу танку. Водитель танка не думал останавливаться и едва не задавил старуху. В самый последний момент та, проявив не свойственную ей прыть, отскочила в сторону и стала бросать в шедшие мимо нее машины пригоршни земли. Сидящие на брониках шурави дружно гоготали и салютовали старухе известным интернациональным жестом.

Из какой-то подворотни выскочил бача, лет восьми от роду. Сначала он резко остановился, вытаращив глаза на проезжавших мимо него шурави, а потом, сдернув с себя штаны, повернулся спиной и, согнувшись, выставил в сторону колонны свою худую задницу. Один боец для острстки передернул затвор автомата и сделал вид, что целится в душманенка. Позабыв натянуть штаны, бача на четвереньках юркнул туда же, откуда только что появился. Буквально через мгновение он появился вновь, держа в руке эргэдэшку. Это уже были не шутки. Коротко размахнувшись, бача бросил гранату в сторону проезжавшего БТРа. Сидящие на нем десантники от неожиданности замерли, ожидая взрыва. Но взрыва не произошло, поскольку бача забыл выдернуть кольцо. Эту оплошность исправил один из десантников. Он на ходу соскочил с броника, подобрал гранату и, выдернув чеку, кинул гранату в подворотню, за которой только что скрылся бача. Когда солдат запрыгивал на БТР, шедший следом, в подворотне раздался глухой взрыв. Из-за дувала поднялся клуб черного дыма.

Больше из этой подворотни уже никто не выскакивал. По крайней мере, пока шла колонна.

Когда машины проходили мимо мечети, стоящей у развилки дорог на подъезде к «Черной площади», наступило время намаза. Вместо привычной гнусавой молитвы, записанной на магнитофон и воспроизводимой через висящие на минарете динамики, зазвучала чья-то речь.

Разведчик по кличке «Пуштун», прозванный так за знание языка афганцев, прислушался к тому, о чем говорил невидимый диктор. Тот слал всяческие проклятья на головы «советских оккупантов» и призывал горожан к борьбе с «неверными».

«Пуштун» доложил сидящему рядом с ним на БТРе командиру взвода разведки о том, что говорит муэдзин. Старлей, смачно сплюнув в сторону мечети, со злостью произнес:

– Долбануть бы сейчас по этой мечети, да так, чтоб этот козел заткнулся раз и навсегда. Так потом же «контрики» затаскают за расправу над мирным жителем. И ведь никому не докажешь, что этот мирный козел своим поганым языком вреда приносит больше, чем иная банда. Миротворцы хреновы!

Кому именно была адресована последняя фраза, сказанная старлеем, он не уточнил. Но сидящим рядом с ним разведчикам и так все было понятно.

Достигнув горного хребта, начинавшегося почти сразу же за «Черной площадью», колонна стала раздваиваться. Одна ее часть свернула с дороги влево и стала углубляться в

«зеленку». Вторая пошла дальше и, дойдя до ГСМ, тоже свернула с дороги влево, обходя хребет с противоположной стороны.

Замысел операции был донельзя прост.

Военная техника и личный состав Кандагарской бригады были поделены на три самостоятельные группировки. Первая группировка, еще не доходя до перевала у «Пули Тарнак», свернула с дороги и двинулась вдоль хребта, растянувшегося километрах в семи от взлетной полосы кандагарского международного аэропорта «Ариана». Группировка должна была маршем преодолеть пятнадцатикилометровое расстояние, выйти к первым пяти из девяти ранее существовавших царандоевских постов второго пояса обороны и, закрепившись на них, ожидать подхода афганских военнослужащих. По количеству личного состава эта группировка была самой малочисленной.

Вторая группа, та, что пошла по «зеленке» уезда Даман, должна была разблокировать, а точнее, заново захватить четыре поста, располагавшихся в зоне ответственности 2-го армейского корпуса вооруженных сил ДРА. Основу группировки составляли десантники 1-го ДШБ Бригады.

Третья группировка, форсировавшая «зеленку» в уезде Панджвайи, должна была обойти горный хребет с запада и выйти к широкому ущелью, располагавшемуся недалеко от пустыни Регистан, на стыке уездов Даман и Панджвайи. На нее возлагалась самая трудная и ответственная задача – заново захватить четыре царандоевских поста второго пояса обороны, подвергшихся самому жесточайшему уничтожению «духами». На эту же группу, ко всему прочему, возлагалась обязанность взять под контроль то самое ущелье между уездами и не допустить просачивания через него «духов». Выполнение этой задачи было возложено на десантников 2-го ДШБ Бригады.

Практически все войсковые операции, проводимые в разные годы на афганской земле, относились к категории сложных и опасных. Сложность их, в первую очередь, заключалась в том, что части регулярной армии воевали с практически невидимым противником, который использовал в борьбе с «неверными» партизанскую тактику. «Духи» не были сторонниками штыковых атак и свои удары наносили втихаря. В Афгане в прах рассыпались все существовавшие до той поры академические теории по тактике ведения ближнего боя. Офицеры и рядовые 40-й армии ценой собственных жизней познавали навязанную «духами» тактику ведения боев без правил.

Операция, о которой идет речь в данном повествовании, не была исключением из этих правил...

* * *

Колонна 1-го ДШБ медленно углублялась в «зеленку», пройдя по ней уже около двух километров. Миновали полуразрушенный кишлак. Людей нигде не было видно. Только какой-то бездомный ишак мирно щипал сухую траву на склоне пересохшего арыка. Безмятежная идиллия.

Хвост колонны находился еще в первом кишлаке, а голова ее уже втягивалась во второй. Этот кишлак ничем не отличался от первого: такие же узкие, пыльные улочки, такие же разбитые глинобитные мазанки, такая же тишина.

– Всем внимание! В этом кишлаке нас могут ждать неприятности, – по бортовой связи сообщил командир 1-го ДШБ. – Быть всем на «товсь» и не расслабляться. Экипажам бээмэрок убрать башки из люков, если не хотите вообще без них остаться!

Комбат накануне присутствовал на совещании, которое проводил генерал Варенников, и педантично записывал все, о чем говорили выступавшие. Если царандоевский советник прав, то именно в этом кишлаке «духи» установили свои фугасы.

Взрыв мины или фугаса всегда неожидан. Это тебе не снаряд безоткатки и даже не эрэс. Их можно услышать еще до того, как они упадут на землю и взорвутся, а тело успеет инстинктивно дернуться в поисках безопасного места. А фугас и мина – создания молчаливые и коварные. Лежат они до поры до времени там, куда их положили, и ждут своих жертв. И когда наступает их звездный час, они выплескивают наружу всю свою страшную энергию, безжалостно разрывая в клочья человеческую плоть и завязывая бантиком прочную сталь военной техники.

Голова колонны находилась в центре кишлака, когда прозвучал мощнейший взрыв.

Обычно, когда катки БМРки наезжают на мину или фугас, взрывная волна подбрасывает их высоко над землей вместе со стальной рамой. Если заряд фугаса очень мощный, раму с катками может вырвать с мясом и она улетит далеко от дороги. Бывали случаи, когда катки падали на головы сидящих на бронетехнике десантников. Хреновая, скажу я вам, это вещь.

Мерзопакостное душманье. Предвидели, наверное, что шурави будут гнать БМРки впереди колонны. Все правильно рассчитали, гады. Видимо, был среди них опытный инструктор по взрывному делу или свой доморощенный «Кулибин». Только он мог до такого додуматься – заложил фугас не под контактами-замыкателями, а метрах в пяти до них. Когда каток БМРки наехал на контакты и замкнул электрическую цепь, взрыв произошел не под ним, а под днищем боевой машины.

С зарядом для фугаса «духи» не пожадничали. По всей видимости, здоровущую авиабомбу приспособили под него. БМРка, как спичечный коробок, подпрыгнула вверх и, отлетев метров на двадцать в сторону от дороги, плюхнулась боком о землю. Траки правой гусеницы сегментами разлетелись по всей округе, прошуршав над головами десантников. А на том месте, где был заложен фугас, образовалась огромная воронка, которую запросто можно было бы использовать в качестве капонира для УАЗа или даже БРДэмки.

Взрывной волной разбросало всех десантников, сидевших на ближайших к месту взрыва двух бронемашинах. Кто-то разбил себе голову, у кого-то были сломаны кости рук и ног. Практически всех контузило.

Один солдат с такой силой ударился о землю, что у него пропал дыхательный рефлекс. Широко открывая рот, он пытался то ли вздохнуть, то ли закричать. Но у него ничего не получалось. Лицо солдата от напряжения побагровело, а затем стало синеть. Так бы, наверно, и задохнулся бедолага, но в этот момент к нему подскочил прапорщик, метра под два ростом. Прапор обхватил солдата со спины своими загибающимися ручищами, оторвал его от земли и, сильно встряхнув пару раз, бросил на землю. Кашляя и харкая, солдат ползал на четвереньках по земле, еще не веря в свое спасение.

– Спасибо, товарищ прапорщик, – стоя на карачках и пуская сопли, еле выговорил солдат.

– Да чего уж там, живи, салага, – отозвался прапор, вправляя в это время другому солдату выбитый сустав.

Колонна остановилась намертво. Комбат, прижимая к шее ларингофон радиостанции, яростно материл командиров боевых машин, которые, вместо того чтобы остановиться сразу же после взрыва и занять боевые позиции, как слепые котята, сгруппировались в одном месте.

– Раздолбаи хреновы! – все больше распаляясь, кричал комбат. – А если «духи» по вам сейчас из гранатометов долбанут?! У вас что, вместо мозгов ветошь в голове?! Уроды! Рассредоточиться немедленно и взять под наблюдение «зеленку». Ведь предупреждал же всех быть готовыми к самому худшему! Мудозвоны безмозглые! Командир первой роты, саперов ко мне! Я смотрю, они у тебя очень хорошо устроились, бездельники! И чтоб через секунду были здесь! Я им сейчас устрою сладкую жизнь! Своими животами будут дорогу разминировать, ишаки!

В этот момент кто-то вспомнил про экипаж БМРки, и комбат, запустив вперед саперов, в окружении нескольких десантников пошел к лежащей на боку боевой машине. Из огромного

пролома в ее днище шел удушливый сизый дым. Надежд на то, что хоть кто-нибудь из экипажа выжил, у комбата не было. Но так, на всякий случай, заглядывая в чрево БМРки, он спросил:

– Живые есть? – Покрутив головой по сторонам, задумчиво произнес: – М-мда. Это конкретная жопа.

Потом он подозвал к себе худосочного старлея – командира санвзвода и отдал ему распоряжение выковырять из БМРки все то, что ранее называлось экипажем, и вместе с остальными ранеными и контуженными немедленно отправить в госпиталь.

Комбат и предположить не мог, что подрыв БМРки было всего лишь прелюдией того ада, в который через несколько минут попадет его батальон...

Часть II

Другая сторона медали

Под псевдонимом «Худойрам»

Когда Шакур Джана спрашивали, сколько ему лет, он бойко отвечал любопытствующим, что родился в тот самый день, когда в Кабуле убили Дауда. Шакур Джан не знал, кто такой Дауд и за что его убили. В свои девять лет он был далек от политики, и его мозгов хватало лишь на то, чтобы считать деньги, которые у него никогда не водились. А о том, что его день рождения приходится именно на день убийства Дауда, ему в свое время рассказала мать.

Своего отца Шакур Джан помнил очень плохо. Где-то в потаенных уголках детской памяти сохранился образ улыбающегося человека с пышными усами, крепко прижимавшего его личико к своим щекам. Однажды отец ушел из дома и больше не вернулся. Спустя несколько лет мать Шакур Джана рассказала сыну о том, что отца убили злые люди. Почему злые люди убили отца, мать так ничего и не объяснила. Она никогда не рассказывала сыну ни о том, кем был отец, ни о том, чем он занимался по жизни.

Вместе с матерью Шакур Джан проживал в небольшой глинобитной мазанке на окраине кишлака Сарпуза, располагавшегося буквально в трехстах метрах от Мабаса – кандагарской тюрьмы.

Еще в первые годы войны кишлак был сильно разрушен советскими войсками, а оставшиеся в живых жители разбежались куда глаза глядят. Из трехсот семей, проживавших ранее в кишлаке, не осталось и полутора десятков.

Шакур Джан с матерью были одной из таких упертых семей, которой бежать было некуда. Вот и жили они в своей мазанке, ежедневно рискуя жизнью. А все потому, что мазанка их располагалась на расстоянии прицельного ружейного выстрела от печально известной «Черной площади».

Моджахеды практически ежедневно наведывались в кишлак, выбирая удобные позиции для обстрела советских автоколонн, идущих через «Черную площадь». В свою очередь, шурави не щадили кишлак и в профилактических целях постоянно обстреливали его из пушек, танков, реактивных установок и крупнокалиберных пулеметов.

Мазанка Шакур Джана была словно заговоренной. Ничего ее не брало – ни бомбы, ни снаряды, ни ракеты, ни пули.

С одной стороны, этому явлению было очень простое объяснение. Мазанка была очень низкая, и ее плоская крыша располагалась почти на одном уровне с верхним бьефом земляного вала, образовавшегося давным-давно, при строительстве оросительного канала.

При обстреле кишлака со стороны «Черной площади» снаряды перелетали через вал и взрывались далеко от мазанки.

Когда кишлак обстреливался с восточной стороны, никаких препятствий для снарядов и ракет не было и они могли упасть на мазанку в любой момент. Но они почему-то всегда летели мимо нее. Чудеса, да и только.

И только несколько человек в Кандагаре знали истинную причину происхождения таких чудес...

* * *

Джан Мохамад еще с детства мечтал стать инженером. По окончании школы он решил приступить к реализации своей мечты, для чего поступил на учебу в Кандагарский технический колледж. Там-то он и познакомился с Шакур Джаном – сыном зажиточного землевладельца из уезда Даман. Они сидели за одним столом в аудитории. Вместе шлялись по городу после занятий, глаза на дуканы, в витринах которых была выставлена дорогая японская техника.

У Шакур Джана был небольшой японский мотоцикл, и им очень нравилось кататься на нем по новой дороге, ведущей в сторону строящегося аэропорта и далее – к пакистанской границе. А больше всего им нравилось смотреть, как на стройке работают огромные американские бульдозеры, скрепера и автогрейдеры. Они могли часами наблюдать за тем, как посреди пустынной местности вырастает оазис цивилизации.

Так бы и продолжалась их безмятежная юность, но судьбе было угодно подвергнуть испытанию их дружеские взаимоотношения.

В Кабуле произошел военный переворот, и к власти пришел генерал Дауд.

Особых потрясений в Кандагаре как будто бы не произошло. Шло к завершению строительство аэровокзала, который по своей форме напоминал распутившуюся лилию. Так же шумели пестрые базары Старого города. Но какие-то изменения в жизни горожан все же произошли. Народ стал чаще митинговать, выдвигая различные политические лозунги, вплоть до свержения самозванца Дауда. В городе все чаще стали происходить уличные драки, сопровождаемые погромами дуканов. Народ бузил по любому поводу.

По завершении учебы в колледже Шакур Джан уехал в Кабул, где поступил в университет и надолго выпал из поля зрения своего друга.

Джан Мохамаду дальнейшая учеба была заказана.

Его отец, работавший механиком морозильных установок на кандагарской фабрике льда, погиб за месяц до окончания сыном колледжа. Водитель «бурубухайки», приехавшей на фабрику за льдом, сдавая машину задом, не заметил идущего человека. Удар борта грузовика пришелся в височную кость. Смерть отца была практически мгновенной.

Семья лишилась единственного кормильца, и поэтому ни о какой дальнейшей учебе не могло быть и речи. Денег не стало хватать даже на самое необходимое.

Джан Мохамад устроился на работу в небольшую мастерскую по ремонту автомобилей и мотоциклов. Навыки, приобретенные в колледже, здорово пригодились и помогли ему быстро освоить новую профессию. Хозяин мастерской не мог нарадоваться на смышленного юношу, делавшим сказкой рухлядь, пригоняемую в мастерскую местными жителями.

За пару лет Джан Мохамад скопил немного денег, на которые смог купить небольшую мастерскую по ремонту велосипедов. Наконец-то сбылась его мечта и у него появилось свое собственное дело.

Довольно быстро он расширил спектр сервисных услуг, переключившись на ремонт автомашин и сложной бытовой техники. Недостатка в клиентах не было, а стало быть, дела у Джан Мохамادا пошли в гору.

Однажды к мастерской подъехала «тойота», из которой вышел молодой мужчина лет тридцати. Он попросил Джан Мохамادا отрегулировать клапана в движке машины, пообещав за это солидную сумму.

Пока механик занимался своим делом, незнакомец обошел его мастерскую, рассматривая, что она из себя представляет. Мастерская имела две комнаты. В первой, самой большой, располагалась собственно мастерская. Вдоль стен стояли стеллажи, на которых были аккуратно разложены всевозможные инструменты и запчасти. Сзади этой комнаты была еще одна неболь-

шая комнатуха, где стояли старенький топчан и небольшой кривоногий столик. Она была своеобразной комнатой отдыха, где ожидающий клиент мог скоротать время и выпить чаю, пока Джан Мохамад занимался мелким ремонтом его «стального коня» или другой техники.

На ночь Джан Мохамад закрывал ворота своей мастерской изнутри, чтобы лихие люди не могли проникнуть в нее и что-нибудь украсть. Сам же он выходил через прочную дверь, которая имелась позади маленькой комнаты. За этой дверью был небольшой проулок, выходящий на узкую безлюдную улицу, используемую жителями окружающих домов для сброса нечистот.

В тот день молодой мужчина заплатил Джан Мохамаду хорошие деньги за качественно выполненную работу. При этом он сказал, что теперь будет ремонтировать машину только в его мастерской.

А спустя несколько дней он появился вновь. Но на этот раз без автомашины.

В тот день из-за стоявшей на улице жары клиентов в мастерской не было, и Джан Мохамад предложил гостю чаю. Тот охотно согласился и между ними довольно быстро завязался разговор.

Незнакомец наконец-то представился. Звали его Асад, и состоял он на службе в кандагарской полиции в должности руководителя криминальной службы.

Для Джан Мохамата это оказалось такой неожиданностью, что он даже растерялся, не зная, как вести себя с гостем. Но тот его быстро успокоил и, не откладывая в долгий ящик, перешел к делу, по которому собственно и пришел в мастерскую.

Без обиняков Асад сделал Джан Мохамаду предложение, суть которого сводилась к тому, что он мог делать деньги не только на ремонте машин. И причем хорошие деньги. Асад готов был платить их только за то, что будет использовать маленькую комнату мастерской для встреч с нужными ему людьми.

Посчитав, что нет ничего зазорного в том, что в его мастерской будут встречаться знакомые между собой люди, Джан Мохамад дал свое согласие.

С этого дня его мастерская стала использоваться в качестве явочного места, где Асад встречался со своими осведомителями, а Джан Мохамад – содержателем этого самого явочного места.

За неполный год он перезнакомился со всеми агентами и доверенными лицами, состоявшими на связи у Асада, и они даже стали ему как родные. Порой, когда агенты испытывали финансовые затруднения, Джан Мохамад оказывал им посильную помощь.

Мастерская располагалась буквально в двух шагах от полицейского управления, и Асад со временем стал проводить в ней контрольные встречи с негласными сотрудниками, состоявшими на связи у других оперативных работников.

Общеизвестно, что афганские лавочники и ремесленники – неплохие психологи, умеющие разговорить любого человека. Общительный Джан Мохамад был одним из таких психологов. Порой доходило до того, что он умудрялся выудить у агента нужную информацию еще до того, как в мастерскую приходил Асад.

Все выглядело словно игра. Игра в кошки-мышки.

Джан Мохамад все глубже погружался в доселе не известный ему мир криминала. Мир, в котором были свои правила игры и свои игроки. И этот мир преступности, и сопряженная с риском для жизни тайная игра с ним захватили Джан Мохамата с головой, постепенно оттесняя на второй план его коммерческую деятельность.

Инициативность Джан Мохамата нравилась Асаду, и однажды он предложил ему встречаться с агентами самостоятельно, а полученную от них информацию записывать на бумагу с последующей передачей ее связнику, которого Асад будет присылать в мастерскую. За выполнение такой работы Асад пообещал Джан Мохамаду увеличить в три раза казенное жалование. Долго уговаривать не пришлось.

Таким образом, в штате криминальной полиции Кандагара появился еще один резидент, работавший под псевдонимом «Худойрам».

Не без помощи Асада «Худойрам» в кратчайшие сроки освоил основные премудрости оперативно-розыскной работы и стал классным агентуристом, в чем мог дать фору большинству кадровых сотрудников полиции. Учить методам конспирации его не было никакой необходимости. Эту школу он прошел, еще будучи содержателем явочного места.

О высокой квалификации «Худойрама» говорило хотя бы то обстоятельство, что о его существовании не знал ни один сотрудник полиции. Кроме Асада, естественно. А работавшие с ним агенты были «могилой». За негласную связь с полицией по тем временам можно было запросто расстаться с головой.

А жизнь шла своим чередом.

Джан Мохамад нанял двух подмастерьев, которые выполняли всю черновую работу в автомастерской. Сам же, оставаясь, как и прежде, ее владельцем, занялся исключительно финансовыми вопросами своего бизнеса. Но и не только ими.

Постоянное присутствие посторонних в мастерской делало невозможным использование ее в качестве конспиративного места, и «Худойрам» подобрал для этой цели другие, более подходящие места.

При осуществлении встреч со своими агентами он использовал элементы маскировки и театрального грима. Порой даже сам Асад не мог распознать бывшего механика в скрюченном старике, прорвавшемся в кабинет с какой-то пустяковой жалобой.

Со временем холостяцкий образ жизни стал надоедать Джан Мохамаду. Природа брала свое, давая понять, что пора обзаводиться семьей. Нашлись добрые люди, которые познакомили его с красивой девушкой по имени Гульнара. Молодые люди понравились друг другу и уже через пару месяцев сыграли веселую свадьбу.

Доход от авторемонтного бизнеса и дополнительный приработок за негласное сотрудничество с полицией позволяли Джан Мохамаду вести безбедный образ жизни. Он снял небольшую квартиру в шестом районе города, где и поселился со своей супругой.

А весной у них родился сын, которому он дал имя Шакур – в честь своего бывшего друга детства Шакур Джана. Вот так и появился Шакур Джан номер два.

День рождения сына был примечателен тем, что в Кабуле произошел очередной военный переворот, во время которого президент страны – генерал Дауд был убит. К власти пришла Народно-демократическая партия.

Первоначально этот переворот, или, как его еще называли, Саурская революция, никак не отразился на размеренной жизни жителей Кандагара. Многочисленные базары и лавочки работали, как и прежде. Вот только цены на все товары взлетели до невероятных высот. В городе появились патрули из числа защитников революции. В основном это были подростки и молодые люди, с важным видом расхаживавшие по городу и пристававшие с проверками ко всем прохожим. Доставалось от них и Джан Мохамаду.

Постепенно начали происходить изменения во властных структурах. Сменился губернатор, а затем полностью обновился состав провинциальной Джирги. Управление полиции переименовали в царандой – народную милицию. К власти повсеместно приходили выходцы из малочисленных пуштунских племен, которым вход в чиновничьи кабинеты ранее был однозначно заказан. По городу поползли слухи, что в ближайшее время произойдет национализация и весь частный бизнес перейдет в государственную собственность.

Слухи оказались небеспочвенными.

Крупных землевладельцев провинции вызвали в губернаторство, где им предложили написать заявления об отказе от наследованных и дарованных королем земельных угодий. Естественно, никто из них на это не пошел. Там же, в губернаторстве, все они были арестованы и препровождены в Мабас.

Среди арестованных оказался и отец Шакур Джана. Того самого Шакур Джана, в честь которого Джан Мохамад назвал своего сына.

Используя доверительные отношения с Асадом, Джан Мохамад попытался вызволить узника из тюрьмы. Но Асад предостерег его от необдуманных действий и предупредил, чтобы он и впредь никогда не вмешивался в дела, которыми занимаются хадовцы, поскольку это может плачевно закончиться лично для него.

Недели через две по Кандагару разнеслась молва о том, что всех находившихся в Мабасе помещиков расстреляли как врагов революции.

Спустя несколько дней после этого происшествия Асад сам пришел в мастерскую Джан Мохамата. У него был очень усталый вид. Складывалось такое впечатление, что он не спал несколько суток. Осунувшееся лицо заросло щетиной, а глаза запали внутрь черепа.

Асад рассказал, что по стране прошла волна серьезных репрессий и он сомневается, что она обойдет его стороной. К власти прорвался Амин, органически недолюбливающий парчамистов. А Асад был парчамистом с многолетним стажем.

Для Джан Мохамата признание Асада было откровением. Сколько он с ним уже сотрудничал, но ничего не знал о том, что Асад является членом НДПА. Вот это конспирация!

Асад поблагодарил Джан Мохамата за сотрудничество и попросил до поры до времени забыть об их служебных и дружеских взаимоотношениях. А еще Асад сказал, что все документы, хранящиеся в личном деле резидента «Худойрама», он изъял, заменив их документами на совершенно постороннего человека. Теперь все зависело от самого Джан Мохамата. Нужно было прекратить все встречи с агентами и их связниками и до лучших времен забыть обо всем, что связывало его с этими людьми. Когда именно наступят эти самые лучшие времена, Асад уточнять не стал.

Прощаясь, Асад выразил надежду, что рано или поздно они еще встретятся и их дружеские отношения, так же как и взаимовыгодное негласное сотрудничество, возобновятся с новой силой.

После этой встречи Асад исчез из города. Как будто сквозь землю провалился.

Слова Асада оказались пророческими. В городе начались повальные аресты, завершавшиеся массовыми расстрелами. Убивали мулл, учителей, интеллигенцию и даже крестьян, отказывавшихся брать земляные наделы, экспроприированные госвластью у помещиков. Люди толпами побежали в соседний Пакистан. В городе воцарился хаос.

А через несколько месяцев в Кандагар вошли советские танки.

В жизни Джан Мохамата начинался совершенно новый этап.

Генерал Хайдар, капитан Асад и другие

В этот небольшой кишлак на юге уезда Панджвайи представители госвласти вообще никогда не заглядывали. И дело вовсе не в том, что он располагался вдалеке от магистральных дорог. Кишлак был родовым поселением генерала Хайдара.

Крупный землевладелец, унаследовавший от своего прадеда – участника битвы при Майванде – огромные земельные наделы в пойме реки Аргандаб, Хайдар был человеком весьма известным не только в Кандагаре, но и в Кабуле. В свое время он получил хорошее образование в Кембридже. При короле Захир Шахе Хайдар очень быстро стал подниматься по служебной лестнице министерства внутренних дел Афганистана. В свои неполные тридцать пять лет он был одним из самых молодых генералов в этом ведомстве.

Хайдар был жестким и бескомпромиссным служакой, для которого не существовало никаких авторитетов, способных оказать на него влияние. Именно из-за своей бескомпромиссности он и сломал себе шею.

Летом 1973 года король Афганистана уехал отдыхать на Средиземное море. Этим моментом воспользовался его престарелый двоюродный брат Мохамад Дауд. С помощью военных он захватил власть в Кабуле и произвел капитальную чистку в высших эшелонах власти Афганистана. В том числе и в структурах МВД.

В окружении Дауда нашлись «доброжелатели», для которых Хайдар был словно кость поперек горла. Неизвестно, что уж они там нашептали на ухо новоиспеченному президенту, но Хайдар попал в опалу. Его отстранили от занимаемой должности и отослали в Кандагар. Незадолго до переворота начальник кандагарской полиции, уличенный в мздоимстве, сбежал с семьей в Пакистан. Поскольку эта должность почти месяц была вакантной, на нее-то и назначили генерала Хайдара.

Кандагар для Хайдара стал чем-то вроде места вынужденной ссылки. Не было той широты и размаха, что были присущи кабульскому периоду его работы. Кражи скота, уличные дебоши с поножовщиной, наркотрафик и прочие мелкие правонарушения, не достойные внимания такой личности, каковым считал себя Хайдар, приводили его в уныние.

Он довольно быстро вник в дела местного полицейского управления. Хотя вникать-то, собственно говоря, было не во что. Работа местной полиции была ему знакома не понаслышке. Ранее он неоднократно выезжал в свой родной город с плановыми проверками, попутно решая и личные вопросы, связанные со сбором арендной платы с земледельцев. После его последнего визита в Кандагар и родился тот самый документ, на основании которого начальник полиции слетел с насиженного места, а лично у Хайдара появился еще один смертельный враг.

Дабы не греть змей за пазухой, Хайдар первым делом разогнал окружение прежнего начальника – целый синдикат, специализирующийся на обложении данью всех и вся. Из трех бывших заместителей он не оставил ни одного. Сотрудники, честно выполнявшие свою работу на занимаемых должностях, только приветствовали решительные меры нового шефа полиции.

Хайдар не стал торопиться с назначением своих замов, положившись на фактор времени. Он объявил всем, что в течение месяца будет присматриваться к тому, как работают его подчиненные, и, в зависимости от того, как проявит себя тот или иной сотрудник, будет принято решение о назначении конкретных кандидатур на руководящие должности.

Наверное, за всю историю кандагарской полиции не наблюдалось такого рвения, с которым ее подчиненные «рыли копытами землю», стараясь угодить своему генералу. Хайдар на все это смотрел с усмешкой, не выказывая никаких эмоций.

И только один человек не стремился казаться пасхальным яичком в этом своеобразном карьерном соцсоревновании. Этим человеком был Асад – офицер из отдела криминальных расследований.

Несмотря на молодость, Асад имел за плечами шестилетний опыт работы на поприще борьбы с кандагарским криминальным элементом. Ознакомившись с личным досье Асада, Хайдар был приятно удивлен богатым послужным списком расследованных им преступлений. Странно, почему при предыдущих визитах в Кандагар их пути не пересеклись? Видимо, прежний начальник полиции не горел особым желанием афишировать перед кабульским начальством способного офицера, выдавая его успехи в работе за свои собственные заслуги.

Уже в ближайшие дни Хайдар мог лично убедиться в том, насколько эффективно работает Асад.

В одну из августовских ночей в шестом районе города произошло групповое убийство семьи дукандора, торговавшего индийскими тканями. Неизвестные преступники, проникнув в дом индийца, зарезали его самого, жену и двоих несовершеннолетних детей. В ту же ночь преступники вскрыли лавку потерпевшего и вывезли из него практически весь товар, а сам лавку подожгли.

Именно пожар и стал поводом для того, что домой к дукандору нагрянули полицейские, которые хотели сообщить ему о происшествии. Но вместо живого торговца они обнаружили там кучу трупов.

Утром следующего дня Хайдар разглядывал фотоснимки с места убийства и пожара, когда ему доложили о том, что преступники задержаны. Он был крайне удивлен такой оперативностью своих подчиненных и решил лично взглянуть на убийц. Ими оказались трое местных жителей. Убийцы сразу во всем сознались и рассказали, где хранится награбленное имущество.

Ларчик открывался очень просто.

Ночью, когда грабители загружали в автомобиль похищенную ткань, их случайно увидел один из агентов Асада. Воспользовавшись темнотой, он незаметно подкрался к машине и запомнил ее номер. Рано утром он позвонил в полицию и, назвав свой псевдоним, сообщил дежурному офицеру об увиденном. О поступившем сообщении немедленно был извещен Асад. Дальнейшее обнаружение и задержание преступников было делом техники.

Еще до истечения месячного испытательного срока Хайдар не сомневался в том, кого он назначит на должность своего заместителя по оперативно-розыскной и следственной работе...

* * *

Вчера вроде это было, а уже почти шесть лет прошло с тех пор, как пересеклись жизненные пути генерала Хайдара и Асада. Сколько за это время воды утекло.

Генерал Дауд, сам ставший жертвой очередного военного переворота, уж второй год кормил могильных червей. В Кабуле верховодила НДПА во главе с Амином, а по стране прокатилась волна массовых репрессий, дошедшая и до Кандагара.

Хайдара на днях вызывали в провинциальный комитет НДПА, где его секретарь в присутствии представителя ХАДа потребовал представить подробный отчет о деятельности партийной организации царандоя. Хайдару было совершенно «до фени», чем занимается партийная организация в руководимом им ведомстве. Все эти внутриутробные драчки «Парчам» и «Хальк» только мешали работе и вызывали у него отвращение. Он никогда не воспринимал всерьез партийных демагогов, от болтологии которых вреда было больше, чем пользы.

Сам Хайдар никогда не являлся членом какой-либо политической партии. При Дауде этих партий развелось огромное множество, вот только реальной пользы для царандоя от них не было совершенно никакой. Для него, кадрового полицейского, на первом месте всегда стоял профессионализм подчиненных, а не их политическая ориентация.

Набравшись смелости, Хайдар заявил, что в круг его должностных обязанностей не входит организация работы партийных структур в царандое, и поэтому никакого отчета об их деятельности он делать не собирается.

Надо было видеть лицо этого прыщавого юнца из ХАДа. Размахивая руками, он стал кричать в лицо Хайдару матерные слова. Такого хамства в свой адрес генерал стерпеть не мог. Еле удержавшись от того, чтобы не дать по морде этому выскочке, он рывкнул:

– Если ты, сосунок, будешь совать нос не в свои дела, можешь его лишиться раз и навсегда!

Хадовец изменился в лице, не зная, чем ответить генералу. В Кандагаре он был человеком совершенно новым и еще не до конца разобрался в том, кто здесь делает погоду. Назначенный по личному распоряжению товарища Амина на должность начальника особого отдела ХАДа, он был ответственен за чистку партийных рядов от нежелательных элементов. Помня напутствия генсека, он рьяно взялся за выполнение возложенных на него обязанностей. За первую же неделю были арестованы и расстреляны ряд высокопоставленных чиновников, чье мировоззрение не укладывалось в рамки последних постановлений ЦК НДПА и указов Военно-революционного совета.

Дальше – больше. Из Кабула поступило секретное распоряжение Амина, которое предписывало особому отделу в кратчайшие сроки арестовать всех членов НДПА из крыла «Парчам». Поскольку «парчамистов» больше всего было в самом ХАДе, особист не стал особо мудрствовать, и партийную зачистку начал со своего ведомства. Воспользовавшись грызней, процветавшей в нестройных рядах госбезопасности, и повсеместным стукачеством ее сотрудников друг на друга, он довольно быстро набрал гору «компры», методично используя ее в достижении поставленных перед ним задач. Аналогичные зачистки были проведены во всех властных структурах, в воинских подразделениях, учреждениях и даже в губернаторстве.

Не давался ему только царандой, возглавляемый строптивым генералом Хайдаром...

– Не знаю, лишусь ли я носа, но тебе не сносить головы, – со злобой парировал хадовец.

От этих слов Хайдар побагровел:

– Сначала научись разговаривать со старшим по званию. А то так и останешься до конца жизни безмозглым ишаком.

Развернувшись на месте, Хайдар направился к выходу из кабинета.

Хадовец с ненавистью смотрел вслед удаляющемуся генералу, прикидывая, куда бы стрелял, окажись тот в тюрьме. А сделал бы он это с превеликим удовольствием. Не будь у генерала охраны, дожидавшейся его в коридоре, он уже сейчас, не задумываясь, всадил бы ему пулю в затылок.

Хайдар как будто угадал его крамольные мысли. Обернувшись в дверном проеме, он произнес:

– И не думай даже об этом...

* * *

В этот же день Хайдар собрал в своем кабинете руководителей ведущих служб и сделал заявление о том, что уезжает за пределы города с инспекционной проверкой отрядов самообороны.

Лукавил генерал. Он отлично понимал, что инцидент с хадовцем на этом не завершится. Этот прыщавый карьерист ни перед чем не остановится, и от него теперь можно ожидать любой пакости. Садиться на нары Мабаса, а тем более быть расстрелянным ни за хрен собачий у Хайдара не было никакого желания.

Когда офицеры покидали кабинет Хайдара, он попросил Асада задержаться.

– Сколько лет ты уже в НДПА? – плотно закрывая входную дверь, спросил генерал у Асада.

– Почти четыре. А что?

– Да вот и то. Я тебя как-то раз уже предупреждал, что чрезмерное увлечение политикой ни к чему хорошему не приводит. Хороший ты офицер. И заместитель неплохой. Но, понимаешь, сейчас в стране творится вакханалия, и партия, в которой ты состоишь, имеет к этому самое непосредственное отношение. Мало ей было крови невинных жертв, так теперь, насколько я понял, Амин решил заняться большим кровопусканием в самой НДПА. Извини, но лично я ко всему этому не хочу иметь никакого отношения. Одному тебе я по секрету скажу, что на время вынужден покинуть город. И совсем не по той причине, о которой только что сказал остальным офицерам. Когда вернусь обратно, пока еще сам не знаю. Где буду находиться – даже тебе не скажу, поскольку наслышан о том, как хадовцы умеют развязывать языки. Так что извини, дорогой. Тебе я тоже рекомендую не задерживаться в городе. Я ведь неспроста спросил тебя о политической ориентации. Насколько я понял из визита в вашу партийную контору, в ближайшие дни «парчамисты» пойдут на удобрение. А мне ох как не хотелось бы видеть тебя преждевременно умершим. У тебя есть родственники в других провинциях?

– Почти все мои родственники проживают в Кабуле.

– А вот туда тем более не советую ехать. Наверняка там будет хуже всего.

– У меня есть еще двоюродный брат. В Урузгане живет.

– Вот туда и отправляйся. Да, и документы себе организуй понадежнее. Не мне тебя учить, как это делается. Наверняка твоя фамилия очень скоро попадет в списки врагов, подлежащих уничтожению. И тогда тебя уже ничто не спасет. Заодно подумай, что делать с агентурой. По возможности уничтожь все их личные дела и предупреди, чтобы залегли до поры до времени на дно. Не вечно же будет продолжаться этот идиотизм. Обо мне не беспокойся и не верь никаким сплетням о моей персоне. А теперь – иди и помни, о чем я сказал.

Расставаясь, ни Хайдар, ни Асад не знали, когда им придется свидеться вновь.

Пути господни неисповедимы...

С первых дней пребывания в Кабуле Шакур Джан попал в водоворот стремительных событий, мелькавших перед глазами, словно картинки стробоскопа. Огромный шумный город, разительно отличавшийся от Кандагара более широкими улицами и огромными базарами, ко всему прочему был эпицентром происходящих в стране политических потрясений.

Университет, куда Шакур Джан поступил без особых проблем, был самым политизированным учебным заведением столицы. На площади перед его главным корпусом постоянно проходили митинги, переходящие зачастую в стычки членов группировок различной политической и религиозной ориентации.

Шакур Джан с иронией наблюдал за тем, как, перекрикивая друг друга, выступали маоисты. Затем их сменяли представители сразу двух крыльев НДПА. Их выступления вызывали некое отвращение у Шакур Джана, поскольку ничего путного в выдвигаемых ими лозунгах он так и не услышал. Одна демагогия. Ишь чего захотели – национализировать земли! А кто вы такие, чтобы отбирать землю у моего отца? Вы ее ему давали? Эта земля со временем будет принадлежать мне, и никто ее ни у меня, ни у моего отца не отберет. Руки коротки!

Больше всего Шакур Джану нравились выступления «Инженера» – Гульбеддина Хекматиара.

Среди студентов ходили разговоры, что «Инженер», будучи студентом университета, при короле Захир Шахе почти год сидел в тюрьме «Пули Чархи». А посадили его туда только за то, что он поливал грязью самого короля и все его святое семейство. Пришедший к власти Дауд выпустил из тюрьмы всех политических, в том числе «Инженера», и тот снова вернулся в университет.

Пламенные речи «Инженера» в корне отличались от речей других ораторов. Практически он старался никого не критиковать, дипломатично обходя наиболее болезненные вопросы. Но выступления его были поставлены так, что их можно было принимать как руководство к немедленному действию. «Инженер» ратовал за процветание Афганистана под знаменами Ислама, и только Ислама, поскольку считал, что строгие правила поведения человека, прописанные в Коране, позволят держать в узде и коррумпированных чиновников, и весь горячий афганский народ.

Шакур Джан перестал посещать митинги, проводимые ораторами НДПА и маоистами, отдавая предпочтение только выступлениям «Инженера». Их тезисы он записывал в отдельную тетрадь в зеленой обложке, которую завел специально для этого.

Так, незаметно для себя самого, Шакур Джан и втянулся в политику.

А однажды, после очередного митинга, набравшись смелости, он подошел к «Инженеру» и высказал свое искреннее восхищение его политической прозорливостью.

Хекматиар с любопытством посмотрел на молодого человека с горящими глазами и, безошибочно определив в нем одного из своих фанатичных последователей, предложил вступить в организацию «Мусульманская молодежь». У Шакур Джана едва не перехватило дыхание. Он, не задумываясь, согласился с предложением «Инженера» и в тот же день стал кандидатом в члены этой организации с испытательным двухмесячным сроком.

И закружилась карусель.

Сидя на лекциях, Шакур Джан не слушал, о чем там говорят преподаватели. Забившись в дальний угол аудитории, он только делал вид, что конспектирует лекцию. А занимался он совсем иным делом – добросовестно писал копии всевозможных воззваний своей организации. Эти листовки он затем подбрасывал в сумки своих же однокурсников, втихую расклеивал на стенах университета и за его пределами. Большого объема работы от такого кандидата, как Шакур Джан, пока и не требовалось.

Через пару месяцев «Инженер» лично вручил Шакур Джану удостоверение члена своей организации. Шакур Джан обратил внимание, что в документе не было фотографии, а в графе «Имя» было вписано – «Гафур». Он хотел было спросить у «Инженера» в чем дело, но тот, уловив недоуменный взгляд, успокоил его:

– Нашей организации предстоит много сделать, чтобы претворить в жизнь свои идеи. Не всем они нравятся, и поэтому у нас имеется очень много противников. Пройдет время, и мы обязательно победим. Но до этого всем нам придется пройти тернистый путь. Тебе нужно еще многому учиться, чтобы занять достойное место в рядах нашей организации. Самый первый урок тебе был преподнесен сегодня. Никто из посторонних людей не должен знать твое истинное имя. С этого дня ты для всех членов нашей организации, в том числе и для меня – Гафур. И если в рядах нашей организации найдется изменник, он никогда не узнает, кто ты на самом деле. Возможно, уже в ближайшее время всем нам придется заняться более серьезными делами и перейти от разговоров к действиям. Наши враги тоже не будут дремать и объявят за нами охоту. Вот тут-то и пригодятся тебе навыки конспирации.

Гульбеддин оказался прав на все сто процентов.

Дауд, не пожелавший укрепления власти теологов и их последователей, развернул широкомасштабное наступление на священнослужителей. В тюрьму было брошено все руководство Кабульского муфтията, а мечети, в которых громче всех велась антидаудовская пропаганда, были просто-напросто закрыты.

Простые афганцы, недовольные Даудом и его окружением, начали устраивать погромы по всей стране, требуя отмены репрессивных мер, принятых властью по отношению к муллам.

Антиправительственные волнения в народе были только на руку Гульбеддину. Воспользовавшись благоприятным моментом, он вошел в сговор со старейшинами ряда племен и с их помощью совершил вооруженное восстание в Панджшерском ущелье. Не дожидаясь распространения заразы по всей стране, Дауд ввел туда войска, которые разогнали практически безоружных возмутителей спокойствия, а Гульбеддин, не дожидаясь ареста, сбежал в Пакистан.

На некоторое время в Кабуле стало немного спокойней.

Не зная, как поступать в сложившейся ситуации, Шакур Джан больше месяца мыкался, словно слепой котенок. Втихую писал листовки, расклеивая их по ночам на стенах домов. Никто его об этом не просил, но он делал это инстинктивно, считая, что своими действиями вносит определенный вклад в общее дело борьбы с ненавистной властью. А однажды на улице к нему подошел незнакомый парень, примерно его лет. Хлопнув Шакур Джана по плечу, парень многозначительно произнес:

– А ведь я тебя знаю.

Шакур Джан видел этого парня впервые и не знал, как в данной ситуации отреагировать. Оглянувшись по сторонам, незнакомец приблизился почти вплотную и вполголоса произнес:

– Привет от «Инженера», Гафур.

Услышав свое конспиративное имя, Шакур Джан невольно вздрогнул. Кто этот парень? Не провокатор ли и не работник ли даудовских спецслужб? Откуда он знает его псевдоним?

Заметив смятение на лице Шакур Джана, незнакомец улыбнулся и, еще раз оглянувшись по сторонам, произнес условную фразу:

– Над Майвандом зародился новый месяц.

Шакур Джан узнал пароль. В свое время «Инженер», обучавший его азам конспирации, сказал, что в повседневной жизни с ним может всякое случиться. Возможно, настанет и такой момент, когда он потеряет связь с организацией. На этот случай имеется стандартный способ восстановления контакта между членом организации и ее руководством. Для этого Шакур Джан должен был выучить наизусть две фразы, которые использовались как пароль и отзыв на него.

Незнакомец только что произнес пароль.

Сердце у Шакур Джана усиленно забилося. В виски ударила кровь. Внимательно глядя в глаза незнакомца, он с распевом произнес фразу – отзыв:

– На все воля Аллаха.

Мужчины обнялись.

– Меня зовут Вакиль, – наконец-то представился незнакомец, – и послал меня к тебе лично «Инженер». Он просил тебя ни о чем не беспокоиться и выполнять все его инструкции. То, что он сейчас в изгнании и вынужден временно находиться в Пакистане, еще ничего не значит. «Инженер» просил передать, чтобы ты до поры до времени не предпринимал никаких самостоятельных решений. Твоя главная задача – продолжить обучение в университете и не влезать ни в какие политические дела. Считай, что это приказ ИПА, который ты должен выполнять неукоснительно. Все понятно?

– Если откровенно, то не совсем. А что такое ИПА?

– Ах, да! Я совсем забыл сказать тебе, что организации «Мусульманская молодежь» и «Братья мусульмане» совсем недавно объединились в Исламскую партию Афганистана. Вот она и есть ИПА. А «Инженер» – ее лидер. В наших рядах с каждым днем становится все больше сподвижников. Кстати, ты тоже автоматически стал ее членом. Решение по тебе было принято лично «Инженером». Ты понимаешь, что это означает? Надеюсь, сам-то ты не против этого?

Шакур Джан был не то чтобы «не против», а совсем даже наоборот. Его распирало от нахлынувшей волны гордости за то, что «Инженер» помнит о нем и сам, лично проявляет к нему особое внимание. Он был готов уже сейчас взяться за любое дело, которое ему поручит ИПА.

Вакиль, видимо, почувствовал настроение Шакур Джана и вынужден был еще раз напомнить ему об инструкции. С хитрецей взглянув в глаза Шакур Джана, он произнес:

– И не клей ты по ночам листовки. В этом нет никакой необходимости. Перед нашей партией сейчас стоят совсем другие задачи. Будем поднимать народ на вооруженную борьбу с противниками Ислама. А твое время еще наступит. Главное терпение и, еще раз повторюсь, – никакой самодеятельности. Ты нужен нам для выполнения особой работы здесь, в Кабуле. Какой именно, тебе будет сообщено дополнительно. Когда это произойдет, я и сам пока не знаю. Главное – терпение. И постарайся не забыть пароль. Все понятно?

Шакур Джан утвердительно кивнул головой.

Уже расставаясь, он не удержался и спросил:

– Вакиль, а как ты меня нашел?

Вакиль, усмехнувшись, ответил вопросом на вопрос:

– А как ты думаешь, откуда я узнал насчет листовок?

Шакур Джан понял, что задал глупый вопрос...

С той нечаянной встречи с Вакилем прошло почти три года.

За это время много чего произошло в стране. Еще когда Шакур Джан учился на четвертом курсе, военные совершили в стране очередной переворот, во время которого президент Дауд погиб. Ненавистная Шакур Джану НДПА прибрала всю власть в свои руки. Буквально через несколько месяцев по стране пронеслась волна повальных арестов. В мельницу репрессий в первую очередь попадали зажиточные люди, интеллигенция и духовенство. В университете арестам был подвергнут практически весь профессорско-преподавательский состав. Тех, кто был далек от политики, спустя несколько дней отпустили. Основательно потрепанные, осунувшиеся и запуганные, они вновь стали читать лекции в университете. О том, что с ними произошло на самом деле, никто из них никогда не рассказывал. Несколько преподавателей исчезли бесследно. Среди студентов пронесся слух о том, что они казнены. Об этой страшной новости студенты говорили шепотом, боясь накликать на себя беду.

Студенты-члены НДПА ходили по коридорам университета, высоко задрав носы. Что ты, теперь они были на коне. В университете в добровольно-принудительном порядке был создан

партийный комитет, который, по сути своей, стал пристанищем разномастных стукачей, примазавшихся к НДПА из чувства самосохранения.

Обстановка, складывающаяся в университете, являлась зеркальным отражением того, что творилось по всей стране. Студентов постоянно дергали в партком, заставляя писать всевозможные объяснительные, то по поводу своего социального происхождения, то по поводу своих политических мировоззрений. Шакур Джану припомнили все. И отца-землевладельца, и посещение митингов «Инженера», занесенного новой властью в списки врагов Афганистана. Скрипя зубами, Шакур Джан в который уже раз писал объяснительные, оправдываясь за свою прошлую политическую близорукость и клятвенно заверяя, что к Гульбеддину Хекматиару он не имеет никакого отношения.

Когда учеба уже подходила к финишу, несколько маоистов с их курса каким-то образом умудрились захватить американского посла. Они предъявили властям ультиматум, суть которого сводилась к тому, что, если из тюрьмы не будут выпущены их «товарищи по партии», они казнят посла. Против студентов задействовали войска и хадовцев, и они все погибли. Вместе с ними пострадал и сам посол, получивший смертельное ранение в голову.

После этого ЧП в университете прошла тотальная чистка. поголовно были исключены все студенты из числа маоистов. Некоторые из них переместились из комнат университетского общежития прямиком в тюремные камеры. Шакур Джан по второму разу прошел все круги ада. Только на этот раз объясняться ему пришлось не в университетском парткоме, а в ХАДе. Двое суток ему довелось отсидеть в общей камере, в окружении каких-то подозрительных личностей. Один из сокамерников пристал к нему, словно банный лист. Матерно ругая власть, он нашептывал на ухо Шакур Джану какую-то ересь. Представившись «борцом за веру», он просил помочь ему с передачей на волю какой-то записки секретного характера. Шакур Джан не стал вступать в разговоры с этим подозрительным типом, который, судя по всему, был подсадной уткой ХАДа. Так это или нет, но в конце концов его выпустили из камеры, предварительно взяв подписку о неразглашении всего того, что с ним произошло в застенках. В случае нарушения принятых обязательств пригрозили жестокой расправой.

За несколько дней до защиты дипломного проекта Шакур Джан в кругу сокурсников отметил двадцатипятилетие. Гуляли в небольшом кафе в центре Кабула. Вечеринка уже подходила к концу, когда Шакур Джан случайно заметил, как за столик в углу кафе присел Вакиль. У Шакур Джана едва не отвисла челюсть, но Вакиль жестом дал ему понять, чтобы он не напрягался. Когда слегка подвыпившие студенты вышли покурить, Вакиль как бы невзначай подошел к Шакур Джану и, попросив сигарету, незаметно сунул ему в руку клочок салфетки. Улучшив момент, тот прочитал: «Завтра в 12.00 там же, где в прошлый раз». После этого Шакур Джан порвал записку на мелкие клочки и, скатав обрывки в шарик, выбросил.

На следующий день в точно назначенное время он пришел на место встречи. Прождав почти час и никого так и не дождавшись, раздосадованный, он пошел восвояси. Что могло случиться с Вакилем, почему он не пришел на встречу? В голове рисовались картины одна ужаснее другой.

Стоп! Да вот же он! Стоит прямо перед ним и улыбается.

– Вакиль, в чем дело? Почему ты не пришел на встречу? – Шакур Джан попытался изобразить на лице некое подобие обиды.

– Не ругай меня, Гафур. Времена сейчас такие, что проверяться надо во всем. Я это говорю не потому, что тебе не доверяю. Но в жизни всякое бывает. Сейчас-то я уж точно знаю, что за тобой нет хвоста. А теперь о главном. На днях, не без нашей помощи, хадовцы арестовали двух инженеров с городской электростанции. Появились вакансии. Сразу после окончания университета у тебя будет распределение на работу, а от дирекции электростанции поступит заявка на замещение вакантной должности. Можешь не беспокоиться, она обязательно поступит, поскольку это одно из звеньев спланированной нами операции.

– А в чем будет заключаться моя роль?

– Об этом пока еще рано что-либо говорить. Вот устроишься на работу, все потом и узнаешь. А пока желаю тебе успешной защиты диплома.

Защита дипломного проекта прошла без сучка и задоринки. Последующее распределение тоже не принесло никаких неожиданностей. Все шло, как по написанному кем-то сценарию...

Прошло несколько месяцев с того дня, как Шакур Джан устроился работать на Кабульскую электростанцию. Ничего особенного за это время так и не произошло. Днем работа, ночью – отдых в небольшой комнате, располагающейся в неказистом двухэтажном доме по соседству со станцией. Скромный образ жизни одинокого ин женера.

Еще при короле Захир Шахе на электростанции был введен строгий пропускной режим, а после последнего переворота ее стали охранять настолько тщательно, что ни один посторонний человек не мог не то чтобы пройти на ее территорию, а даже приблизиться к ней. Военнослужащие, охранявшие ее по периметру, стреляли без всякого предупреждения. Такая строгость была вполне обоснована. За последнее время в Кабуле был совершен ряд диверсий на объектах стратегического значения, и спецслужбы сбились с ног в поисках злоумышленников.

Когда Шакур Джан устраивался на работу, ему пришлось пройти собеседование с начальником охраны станции. Эту должность занимал молодой офицер ХАДа, назначенный на эту должность незадолго до прихода Шакур Джана. И хотя офицер опрашивал его поверхностно, он не забыл уточнить, кто его родители и где они живут. Улыбчивые глаза хадовца не вызвали никаких эмоций. Так, простецкий мужик, волей случая попавший на государственную службу. Шакур Джан и предположить не мог, что этот улыбчивый молодой человек успел больше года поработать в отделе контрразведки ХАДа, откуда был смещен из-за партийной «несовместимости» со своим начальством. Хадовец за версту чуял контру, и уже на первой их встрече его что-то насторожило в новом инженерере. Что именно, он так и не смог для себя уяснить, но тем не менее на заметку себе взял.

Начальнику охраны «стучали» сразу несколько рабочих и служащих станции. Им-то он и поручил приглядеть за Шакур Джаном.

А в это время в стране начались очередные потрясения. Генеральный секретарь ЦК НДПА Нур Мухаммед Тараки был смещен со своего поста и ликвидирован его заместителем Хафизуллой Амином. За фактически свершившимся переворотом последовал очередной виток репрессий.

А однажды по Кабульскому телевидению показали фотографии трех человек, разыскиваемых по подозрению во взрыве одного из правительственных учреждений. У Шакур Джана оборвалось сердце. Среди этой троицы он узнал Вакиля. Правда, озвучено было совсем другое имя, но это был точно Вакиль. Он не мог ошибиться.

Где он был все эти месяцы? Почему не выходил с ним на связь? В чем заключается задание, которое он должен выполнить? Вопросы оставались без ответов.

Шакур Джан, конечно, догадывался, зачем он понадобился «Инженеру» на электростанции, и уже присмотрел возможные места закладки взрывчатки в случае ее подрыва. Но никаких указаний не поступало. Да сам он самостоятельно и не смог бы этого сделать, поскольку не было ни взрывчатки, ни детонаторов, ни возможности пронести все это на территорию охраняемой станции.

Как-то раз, придя с работы, Шакур Джан застал в своей каморке какого-то сторбленного старикашку. Он уже собрался возмутиться и потребовать от этого наглого бобо объяснений, как тот попал в его комнату, но старик приложил палец к губам и снял с головы парик.

Это был Вакиль.

Выйдя из ступора, Шакур Джан спросил:

– Вакиль, а ты знаешь, что тебя разыскивают?

Вакиль только усмехнулся:

– Руки у них короткие, чтобы меня найти, – и, посерьезнев, продолжил: – Ты думаешь, я в гости к тебе пришел? Я за тобой пришел. Нам стало известно, что, возможно, уже завтра тебя арестуют, поэтому тебе нужно срочно уходить.

– А что я такого сделал, чтобы меня могли арестовать? – изумился Шакур Джан.

– Ты – ничего. – Вакиль посмотрел ему в глаза и, положив руку на плечо, промолвил: – Держись, Гафур. Твой отец погиб. Вчера в Кандагарской тюрьме его вместе с другими землевладельцами, отказавшимися добровольно передать земли в собственность государству, расстреляли хадовцы.

У Шакур Джана из-под ног ушла земля. Он едва не свалился на пол, но предупредительный Вакиль поддержал его за руку и не дал упасть.

Шакур Джан сел на кровать и разрыдался. Как ему теперь дальше жить. С потерей отца он потерял всякую надежду на исполнение своей давнишней мечты – вернувшись в родной Кандагар, продолжить дело своих потомков.

Вакилю не сразу удалось успокоить Шакур Джана. Но когда он этого добился, то понял – только что на его глазах родился настоящий моджахед, который до конца своих дней будет мстить своим врагам.

Шакур Джан собрал свой нехитрый скарб, сложил его в большую холщовую сумку и, повернувшись к Вакилю, сказал:

– Я готов.

В его глазах застыла ненависть. Он был готов уже сейчас убивать всех, кто принес горе его семье.

«Хороший моджахед выйдет из Гафура», – еще раз отметил про себя Вакиль.

Покидая комнату, Вакиль установил в ней мину-ловушку, произнеся напоследок:

– Да простит мне Аллах, если погибнет невинный человек.

Шакур Джан закрыл входную дверь на замок, а ключ от него выбросил уже на улице.

Несколько дней Шакур Джан и Вакиль скрывались в одном из домов на окраине города. А когда были подготовлены соответствующие документы, покинули Кабул.

Почти неделю они на перекладных добирались до пакистанской границы и, благополучно миновав ее недалеко от Джелалабада, через пару дней были уже в Пешаваре.

После личной встречи и продолжительной беседы с «Инженером» Шакур Джан окончательно решил, как распорядится своей дальнейшей судьбой.

По рекомендации «Инженера» он прошел специальную подготовку в полевом учебном центре недалеко от Пешавара. Он научился не только хорошо стрелять из всех видов оружия. Основной специализацией, по которой он проходил подготовку, была работа с взрывчатыми материалами. Знания механики позволяли ему безошибочно выбирать слабые места в металлических и железобетонных конструкциях, правильно определять мощность заряда, способного их разрушить. А это было, пожалуй, самым главным в профессии подрывника.

Пока он учился в учебном центре, в Афганистан вошли советские войска, и борьба с «неверными» приобрела несколько иной оттенок и идеологическую подоплеку. Поскольку шурави и афганская армия имели на вооружении тяжелые танки и другую бронетехнику, пришлось дополнительно пройти обучение тактике борьбы с ними с использованием гранатометов, противотанковых мин и фугасов.

В мае 1980 года в учебном центре состоялся очередной выпуск. Сам Гульбеддин Хекматтар присутствовал на показательных выступлениях его выпускников.

Шакур Джан пожелал вернуться к себе на родину. В Кандагаре ему были знакомы каждая улочка, каждый кяриз, а также все дороги и тропы, ведущие в близлежащие от города кишлаки.

Приказом по ИПА, теперь уже окончательно под именем Гафур Джан, он был назначен полевым командиром в уезд Даман Кандагарской провинции. В помощь ему было придано еще

пять моджахедов, обученных стрельбе из ручных гранатометов и минному делу. Группе Гафур Джана был поставлен ряд серьезных задач, в том числе: ведение подрывной работы в самом Кандагаре; уничтожение военных и стратегически важных объектов в городе и за его пределами; нападение на движущиеся по дорогам провинции колонны автомашин и бронетехники; минирование дорог и иных возможных путей передвижения войск противника.

По прибытии в провинцию Гафур Джан должен был провести разъяснительную работу среди земледельцев, арендующих землю его отца, с тем чтобы пополнить ими свой отряд. Увеличение численности группы можно было осуществить также за счет всякого рода добровольцев и перебежчиков. Дополнительное оружие, взрывчатку и боеприпасы планировалось доставлять по мере формирования отряда.

* * *

В первых числах июля 1980 года во всех оперативных сводках афганских и советских спецслужб Кандагара замелькала еще одна бандгруппа Южного фронта ИПА – численностью около двадцати человек, под командованием полевого командира Гафур Джана...

Джан Мохамад

Рассказывать о том, как Джан Мохамад пережил период аминовских репрессий, не имеет смысла. В ноябре 1979 года по доносу кого-то из «доброжелателей» его арестовали. До тюрьмы дело не дошло, но и те часы и дни, что он провел в камерах ХАДа, приятными назвать нельзя. В отличие от других арестованных, его не били, над ним не издевались. Но вместе с тем психологический прессинг он испытал сильнейший. Его дважды склоняли подписать какие-то бумаги, не давая читать их содержание. Но он отказывался, и его вновь помещали в камеру, давая время «хорошенько подумать».

А думать было не о чем.

Больше всего он боялся, что его обвинят в негласных связях с Асадом. Хотя что в этом, собственно говоря, зазорного? Джан Мохамад выполнял вполне конкретную работу, которая не только не запрещена законом, но более того – прописана всевозможными секретными инструкциями МВД, и не только МВД.

Но во время изнуряющих допросов имя Асада вообще не было упомянуто. Стало быть, правду он говорил насчет подчистки секретных документов. Спасибо ему за это. Так зачем тогда он – Джан Мохамад – понадобился хадовцам? Что им было нужно от него? Он так этого и не понял.

Ничего не добившись от Джан Мохамата, хадовцы отпустили его, недвусмысленно намекнув на то, что вся его дальнейшая жизнь с этого дня будет под пристальным наблюдением их ведомства.

Джан Мохамату даже не верилось, что он вырвался на свободу живым и невредимым. И это в то время, когда люди исчезали толпами в ненасытном чреве ХАДа. Арестовать могли где угодно и за что угодно. А точнее сказать – ни за что. Просто так: кому-то могла не понравиться ваша физиономия, и вы становились очередным кандидатом в покойники.

А через месяц в Кабуле вновь произошел переворот. В очередной раз военные захватили власть в свои руки. И в этом им помогли советские войска, вошедшие в конце декабря в Афганистан. По Кандагарскому телевидению объявили, что Генеральным секретарем ЦК НДПА назначен Бабрак Кармаль.

Джан Мохамад почему-то был уверен, что новая власть наконец-то наведет порядок в городе и на улицах станет немного спокойней.

Куда там!

Кандагар захлестнул новый виток репрессий. Только на этот раз все перевернулось с ног на голову. Сидящие в тюрьме немногочисленные арестанты были выпущены на волю, а их места заняли те, кто еще недавно выступал в роли их судей и палачей. С ними поступили точно так же, как они в свое время со своими жертвами. Всех их казнили. По городу поползли слухи о том, что за несколько дней было расстреляно больше тысячи арестантов, в основном, активистов НДПА из числа «халькистов». Особенно зверствовал Хаким, которого лично Бабрак Кармаль назначил старшим Зоны «Юг». Занимая такой высокий пост, он не брезговал лично участвовать в массовых расстрелах. Возможно, это доставляло ему удовольствие.

На этот раз Джан Мохамату крупно повезло. Его вообще никто не тронул. Но зато арестовали двух его соседей. Кстати, Джан Мохамад подозревал одного из них в том, что именно он и был тем «доброжелателем», наставившим на него в ХАД.

В первых числах января 1980 года в аэропорту приземлились несколько больших самолетов, на борту которых находились советские десантники. А еще через пару дней через Кандагар прошло несколько колонн военной техники. Солдаты, сидящие на танках и бронемашинах, с любопытством рассматривали редких прохожих, а те, в свою очередь, стояли с раскрытыми ртами и с не меньшим любопытством разглядывали шурави.

Из-за боязни, что в городе пройдет очередная волна погромов, местные дукандоры несколько дней держали закрытыми свои лавчонки, что привело к образованию огромных очередей и проявлению недовольства со стороны местных жителей. По местному телевидению выступил секретарь провинциального комитета НДПА – Нур Мохамад, который предупредил, что, если на следующий день дуканы будут закрыты, к саботажникам будут приняты самые радикальные меры.

Поддействовало. На следующий день большинство дуканов открылось как по мановению волшебной палочки. Военнослужащие и царандоевцы ходили по улицам и, громко матерясь, стучали палками по дверям закрытых дуканов и кантинов. Они не отходили от лавки до тех пор, пока извиняющийся хозяин ее не открывал. Некоторые лавочники пытались спорить с солдатами, вступая с ними в полемику, но после нескольких ударов палкой по непонятливой бестолковке, резко меняли свое мнение и спешно выполняли распоряжение представителей власти.

А в последующие дни открылись все лавки. Да иначе и быть не могло. Свой бизнес дукандоры делали на реализации товара, и чем больше они его продавали, тем больше получали прибыли. Тот, кто первым развернул торговлю в те смутные дни, сделал немалые деньги. В первую очередь это были лавочники, торгующие кукурузными лепешками, мукой и рисом, взвинтившие цены на свой товар до заоблачных высот, – властям пришлось вмешаться и пресечь откровенную спекуляцию. Просто-напросто арестовали несколько особо борзых спекулянтов, показали их по телевидению и сказали, что по законам военного времени им грозит расстрел. Все сразу встало на свои места.

Джан Мохамад тоже открыл свою мастерскую, и в первый же день ее посетил первый клиент.

Ну что ж, жизнь, кажется, начинала налаживаться.

А еще через неделю в его мастерской появился Асад. Он вошел в нее как обычно, с тыльной стороны, и застал Джан Мохамادا врасплох. Тот от неожиданности едва не выронил гаечный ключ, что держал в руке.

Излияние бурных чувств они продолжили в камерке. Асад расспрашивал Джан Мохамادا о том, как он жил все то время, пока они не виделись. А это целых три месяца. О себе же Асад рассказал совсем немного. Жил в Урузгане у родственников, никуда не выходил из дома и связь с внешним миром практически не поддерживал. Асад также сообщил хорошую новость: генерал Хайдар сейчас находится в Кабуле, на приеме у нового министра внутренних дел Гулябзоя. Того совсем недавно назначили на этот пост, и теперь он подбирает новых начальников провинциальных управлений царандоя. Если Хайдара утвердят, то Асад наверняка продолжит работать в должности его заместителя.

Через неделю все именно так и произошло. Сначала в городе объявился Хайдар. Местные жители удивились, когда заметили, что с его плеч исчезли генеральские погоны, а вместо них появились погоны полковника. Асад, заявившийся в мастерскую Джан Мохамادا уже как начальник уголовного розыска царандоя, пояснил, что новый министр внутренних дел снизил всем старорежимным генералам звание на одну ступень и дал им испытательный срок на то, чтобы они оправдали доверие партии, оставившей их на государственной службе.

Никто тогда и предположить не мог, что для Хайдара этот «испытательный срок» растянется почти на семь лет и что звание генерала он получит вновь только в 1986 году.

А пока для Асада и Джан Мохамادا старое колесо негласного сотрудничества завертелось с новой силой. Резидент «Худойрам» вновь стал заваливать своего шефа агентурными записками...

* * *

В провинции, как и в целом по всему Афганистану, все сильнее разгоралась гражданская война. Бывшие уголовники, занимавшиеся ранее грабежами и убийствами, почти поголовно перепрофилировались в моджахедов. Набеги на различные учреждения и налеты на отдельных граждан они стали оправдывать священным джихадом.

Но не только бывшие уголовники противостояли государственным структурам.

Практически все политические и происламистские партии из числа бывших оппонентов НДПА объединили свои усилия в борьбе с «неверными». В Кандагаре существовало глубоко законспирированное моджахедовское подполье, поисками которого безуспешно занимались органы госбезопасности. Неуловимый Исламский комитет, координирующий действия многочисленных бандгрупп, расплотившихся в провинции, словно грибы в дождливую погоду, как бы в насмешку над несостоятельностью ХАДа ежедневно расклеивал по городу листовки, в которых призывал горожан к неповиновению официальным властям, не забывая при этом угрожать расправой всем, кто находился на госслужбе. Свои угрозы моджахеды подкрепляли конкретными делами, давая тем самым понять, кто в доме хозяин.

Тот факт, что политический сыск, коим с первых дней Саурской революции занимался ХАД, в первую очередь был ориентирован на выявление врагов внутри НДПА и во властных структурах всех уровней, наложил определенный отпечаток на стиль работы этого ведомства. Необоснованные репрессии против своих же сотрудников, имевшие массовый характер в 1979–1980-х гг., конечно же, не могли не сказаться на результативности работы ХАДа. Новые сотрудники, пришедшие на смену тем, кого раздавил каток репрессий, не имели достаточного опыта в оперативной работе. У них не было надежных и опытных негласных сотрудников, способных вести разведывательную работу в бандах, не говоря уж о контрреволюционном подполье.

И вот тут-то вспомнили об оперативных сотрудниках царандоя и их агентуре.

В структуре МВД ДРА было создано самостоятельное подразделение – максуз (спецотдел). Организационно его подчинили уголовному розыску, но тем не менее это было самостоятельное оперативное подразделение, занимающееся оперативной разработкой бандгрупп, выявлением их баз и складов с вооружением, склонением членов бандформирований на сторону госвласти и разложением банд изнутри.

Джан Мохамад, с учетом его большого опыта работы с негласными сотрудниками, была поставлена конкретная задача: в кратчайшие сроки установить местонахождение агентов, входивших ранее в руководимую им агентурную сеть, и сделать все возможное для восстановления связи с ними.

На поиски бывших подчиненных у Джан Мохамада ушел почти месяц. Из двадцати восьми агентов и доверенных лиц почти треть бесследно исчезли. То ли погибли, то ли бежали от репрессий и войны, скрывшись в соседнем Пакистане. Шесть человек никуда из Кандагара не уезжали и вели скрытый образ жизни. Следы остальных обнаружили в пригородах. Все они перешли на сторону моджахедов. Некоторые из них умудрились даже занять руководящие посты в бандах.

Джан Мохамад этому совершенно не удивился. После того, что произошло с ним самим в те смутные дни, очень сложно было судить людей, запутавшихся в непростой житейской ситуации и сбившихся с пути истинного. И теперь от него самого и его оперативного мастерства зависело, как сложатся дальнейшие судьбы этих людей. Перед ним встала совсем непростая задача – не только разыскать своих бывших агентов и восстановить с ними контакт, но и сделать все, чтобы они вновь стали выполнять его задания...

* * *

Заканчивался 1981 год. Этот год оказался очень сложным для сотрудников афганских спецслужб, занимавшихся разработкой бандформирований. И дело вовсе не в том, что моджахеды именно в этом году активизировали свою деятельность против госвласти, хотя это тоже отмечалось повсеместно по стране.

Летом 1981 года на территории соседнего Пакистана развернул свою деятельность Исламский союз моджахедов Афганистана. Лидеры ведущих оппозиционных партий, вошедших в этот Союз, поклялись на Коране, что разгромят ненавистный им режим и выдворят оккупационные советские войска.

Такие заявления не могли остаться незамеченными на Западе. В Пакистан хлынул поток различных экспертов, в роли которых выступали представители разведывательных, военных и аналитических структур США, ОАЭ, Саудовской Аравии, Китая и ряда других государств. У моджахедов стало появляться современное вооружение, позволяющее вести более эффективную борьбу с противником. На смену старым «Бурам» и изношенному автоматическому оружию пришли компактные реактивные установки, безоткатные орудия и средства для борьбы с бронетехникой. На смену аммоналу и тротилу, в большом количестве остававшихся в Афганистане еще с довоенных времен и используемых бандитами при совершении диверсий, пришла более мощная пластиковая взрывчатка.

Жители Кандагара одними из первых испытали на себе разрушительную силу пластида. С его помощью моджахеды взорвали несколько стратегически важных объектов в городе. В частности, была взорвана водокачка и выведена из строя система водоснабжения в шестом районе города, уничтожены трансформаторная подстанция и опоры ЛЭП, по которой в город поставлялась электроэнергия из соседней провинции Гильменд. Город остался практически без света, что было только на руку бандитам, совершающим ночные вылазки.

Руководство царандоя понимало, что за всеми этими взрывами стоит чья-то опытная рука. Для того чтобы так мастерски уничтожить сложные инженерные сооружения и конструкции, нужно было иметь специальные знания в области механики и взрывного дела. А такими познаниями мог обладать человек с инженерным образованием.

Спецотделу была поставлена задача: вычислить и ликвидировать этого неуловимого «инженера-взрывника».

Особая роль в этом деле отводилась агентуре, работающей с Джан Мохамадом. Его негласные сотрудники были ближе всех к наиболее активным главарям бандформирований и именно они имели реальную возможность выполнить это задание.

Через пару недель в уезде Даман прошло заседание Исламского комитета ИПА, на котором полевые командиры отчитались о проделанной работе. Один из них, Гафур Джан, доложил, что его группой в городе проведена серия удачных взрывов на наиболее важных объектах.

Все совпадало. Именно об этих взорванных объектах шла речь в заданиях агентам.

Агент «Аскар», работавший порученцем по особым вопросам в штабе полевого командира Хаджи Латифа, буквально на следующий день знал все, о чем шла речь на том совещании. Ему стали известны планы полевых командиров, в том числе и Гафур Джана, на ближайшее время. В частности, несколько бандгрупп готовили нападение на кандагарскую тюрьму, и на людей из группы Гафур Джана было возложено самое ответственное задание. В безлунную ночь они должны были незаметно подкрасться к боковой стене тюрьмы, преодолеть минное поле и, заложив около двухсот килограммов взрывчатки под внешнюю стену тюрьмы, взорвать ее. Через образовавшийся пролом в стене остальные группы должны были ворваться в тюремный двор и, ликвидировав охрану, выпустить на волю около трехсот моджахедов, в том числе 14 человек, приговоренных к высшей мере наказания.

Все, что стало известно «Аскару», он передал через своего связника «Худойраму», а тот немедленно проинформировал Асада.

«Ну вот, вроде, и все! Разработка “Инженера” начинает подходить к своему логическому завершению», – думал Асад, идя к генералу Хайдару с планом реализации оперативной информации. В тот момент он и предположить не мог, чем все это совсем скоро обернется для «Худойрама»...

* * *

Первую ошибку допустил сам Хайдар, который на заседании Военного совета провинции доложил о готовящемся нападении на тюрьму. Сделал он это из тех соображений, что в таких экстраординарных случаях тюрьму должен был защищать не только царандой, в ведении которой она находилась, а все силовики и, в первую очередь, ХАД, чьих арестантов, заполонивших камеры Мабаса, собственно и намеревались выволочь моджахеды.

Руководство ХАДа не стало препираться с полковником, пообещав выделить ему в случае необходимости человек тридцать бойцов. Но от участия в планировании предстоящей операции и совместном руководстве ею хадовцы категорически отказались, мотивируя это тем, что в случае ее провала не намерены нести ответственности вместе с царандой. Хайдара удивила такая позиция, но спорить с перестраховщиками он не стал.

Военное командование провинции заявило, что в ближайшем необозримом будущем военнослужащие Второго армейского корпуса будут участвовать в войсковой операции, проводимой совместно с советскими войсками недалеко от кишлака Гиришк в провинции Гильменд. А коли так, лишних людей у них нет.

Хайдар был готов выругаться матом, но сдержался. Как всегда, придется надеяться только на собственные силы. Даже от тех сарбозов, что предоставит ХАД, толку будет мало. По опыту предыдущих совместных операций он знал, что ХАД в таких случаях спихивает всякую шушеру, которая и воевать-то толком не умеет.

Поскольку до первых безлунных ночей оставалось всего пять дней, Хайдар попросил хадовцев, чтобы они через три дня прислали своих солдат в распоряжение начальника тюрьмы, где им будут выделены комнаты в административном корпусе. Требовалась хотя бы пара дней, чтобы тщательно проинструктировать всех участников предстоящей операции и провести с ними практические занятия по отражению нападения.

А через пару дней в одном из кишлаков уезда Даман состоялось экстренное заседание Исламского комитета ИПА, куда были приглашены все подконтрольные ему полевые командиры.

Руководитель ИК, а им в ту пору был семидесятилетний полевой командир Хаджи Латиф, был чернее тучи. Оглядев присутствующих немигающими глазами, он предупредил о недопустимости ведения каких-либо письменных записей, поскольку то, о чем пойдет речь на заседании ИК, будет носить конфиденциальный характер.

– Во имя Аллаха, всемилостивого и милосердного! – Хаджи Латиф прочитал суру Корана, посвященную Всевышнему. Его примеру последовали все присутствующие. – Я собрал вас для того, чтобы сообщить очень плохую новость. В рядах моджахедов, ведущих священную войну с гяурами, появился подлый изменник. Я пока не знаю, кто он, но как только я об этом узнаю, вот эта безжалостная рука перережет ему глотку.

Хаджи Латиф театрально провел вокруг себя правой рукой с зажатым в кулаке кривым ножом. Полевые командиры невольно отшатнулись от старика. Уж больно близко от их глоток полоснуло острое лезвие кинжала. А Хаджи Латиф тем временем, внимательно наблюдая за реакцией подчиненных, пытался по взгляду и мимике лица каждого из них определить их внутреннее состояние. Смятения или даже намек на него он ни у кого не заметил.

– Вчера со мной связался один наш проверенный человек, занимающий ответственный пост в Кандагаре, – продолжил Хаджи Латиф. – Этот человек сообщил, что нашим противникам стало известно о наших планах нападения на тюрьму и они усиленно готовятся к его отражению. Поэтому мы не будем нападать на Мабас, а поступим по-другому.

И Хаджи Латиф изложил присутствующим новый план, который был согласован с руководством ИПА. Нападение будет заменено массированным обстрелом территории Мабаса из всех имеющихся минометов и безоткатных орудий. Расчет был простым. В тот момент, когда защитники тюрьмы в ожидании подхода к ней моджахедов займут свои позиции на крепостной стене, они будут обстреляны осколочными снарядами и минами. Укрыться им будет некуда, поскольку естественным укрытием на тот момент станет сама тюрьма, а чтобы попасть в нее, обороняющимся нужно преодолеть пустынный внутренний двор. Но там их тоже будут подстерегать смертельные осколки разрывающихся мин и снарядов.

Хаджи Латиф предупредил всех полевых командиров, что об истинных планах ИК никто, кроме них самих, не должен знать. Своим подчиненным они должны озвучить первую версию нападения на тюрьму. При этом они обязаны довести до сведения бойцов точную дату и время планируемого нападения. Это делалось специально. Вражеский агент наверняка сообщит своим хозяевам обо всем этом, и в обозначенный час в ожидании предстоящего нападения во дворе тюрьмы соберется много военнослужащих, что непременно приведет к значительным жертвам с их стороны.

Расчеты Хаджи Латифа оправдались. Агент «Аскар» вовремя проинформировал «Худойрама» о точной дате и времени нападения на тюрьму.

В ту ночь общая численность царандоевских и хадовских солдат и офицеров, размещившихся в месте предполагаемого нападения моджахедов, составляла около двухсот человек.

То, что произошло потом, можно назвать адом. В час ночи, когда защитники тюрьмы заняли свои позиции на крепостной стене, на них обрушился шквал огня и металла.

Обстрел длился почти час. Солдаты метались по стене, спрыгивали вниз на землю, пытались хоть где-то укрыться. Но пустынный двор не мог уберечь от смертельных осколков, летящих по всему его открытому пространству.

Утром стали подсчитывать потери. Сорок восемь убитых и почти сто раненых – таков был итог той кошмарной ночи. Из тридцати двух хадовцев в живых осталось восемь человек.

Не трудно представить, какой «разбор полетов» был устроен на следующий день Хайдару на экстренном заседании Военного совета провинции.

Его обвинили во всех мыслимых и немыслимых грехах. А руководитель ХАДа вообще заявил, что Хайдар изменник и пособник моджахедов, о чем он обязательно доложит руководству МВД.

Трудно пришлось Хайдару в тот день. Оправдываясь, он вынужден был сообщить присутствующим, что информация о нападении на тюрьму поступила от резидента максуза, а этому человеку можно доверять на все сто процентов.

За последние десять дней это была вторая ошибка, допущенная Хайдаром. Раскрыв на Военном совете существование резидента, работающего с агентами, внедренными в бандформирования, он тем самым поставил большой жирный крест на «Худойраме».

Спустя много лет я узнал все обстоятельства гибели Джан Мохамата.

А в тот момент ни Хайдар, ни Асад не могли и предположить, чем обернется роковая фраза, произнесенная на Военном совете.

Еще до аминовских «реформ» в Кандагарское управление ХАДа был внедрен «Крот» – агент пакистанской разведки. До поры до времени он никак себя не проявлял, стараясь просто плыть по волнам времени. Его не коснулись ни репрессии, ни внутривластные драки. Он старался быть в стороне от всего этого.

Его звездный час пробил с приходом к власти Бабрака Кармаля.

На ту пору провинциальное управление ХАДа, образно говоря, лежало в руинах. Весь высший руководящий состав был выбит волнами репрессий, следовавшими друг за другом. Оперативный состав управления, не успевая переориентироваться в быстротечных изменениях политической ситуации в стране, разбегался куда глаза глядят или погибал от тех же самых репрессий. Кстати, «Крот» своими анонимками на сослуживцев тоже способствовал развалу этого силового ведомства.

Так уж вышло, что, когда власть в стране в очередной раз сменилась, в провинциальном управлении ХАДа некого было поставить на мало-мальски руководящую должность.

И вот тут-то «Крот» проявил себя в полной мере.

У него почему-то сразу появилось острое желание стать активным членом НДПА. Он написал пылкое письмо-обращение, и не кому-нибудь, а самому Бабраку Кармалю. В том письме он подробно изложил, что подвигло его к принятию такого решения. При этом большая часть письма содержала восхищения «мудростью великого революционера и руководителя Афганистана Генерального секретаря НДПА товарища Бабрака Кармалю».

В партию его принимали с помпой. И буквально на следующий день назначили на должность начальника особого отдела ХАДа. А уже через полгода он занимал должность начальника отдела контрразведки Кандагарского управления ХАДа.

Можно только догадываться, какой огромный вред принес этот человек, работая в этом грозном ведомстве почти девять лет.

В 1987 году именно с его подачи едва не уволили с работы и не привлекли к уголовной ответственности начальника спецотдела царандоя – Амануллу Закрия. После нападения «духов» на спецотдел, в результате которого погибло десять его сотрудников, «Крот», воспользовавшись неопределенностью ситуации, сфабриковал несколько писем, якобы ранее направленных руководству спецотдела, в которых речь шла о готовящемся вероломном нападении.

Не знаю почему, но тогда я не поверил словам этого высокопоставленного хадовца в полковничьих погонах.

Изучив информацию, поступившую в спецотдел из ХАДа под обозначенными исходящими номерами, я увидел существенное расхождение с тем, о чем говорил начальник контрразведки. Нужно было делать выбор между двумя истинами: то ли был прав хадовец, обвиняющий Амануллу в умышленном подлоге документов, то ли был прав Аманулла, заверяющий меня в том, что документы из ХАДа были именно такими, какими он мне их предоставил, и содержали ничего не значащую информацию. После изучения всех документов и почти часовой беседы с Амануллой я сделал выбор в его пользу. Мне стоило потом больших усилий доказать невиновность Амануллы. Но я добился того, чтобы с него сняли все подозрения.

Моя интуиция меня не подвела. Уже позже, года через три после вывода войск из Афганистана, я узнал, что именно тот «контрразведчик» и оказался «Кротом». После ухода советских войск из Кандагара ХАД со всеми потрохами перебазировался в район аэропорта. При перевозке особо секретных архивных документов ХАДа «Крот» расстрелял сопровождавших его военнослужащих и вывез эти документы в Пакистан.

Но это будет потом, спустя много лет.

А в 1981 году «Крот» завел дело оперативной разработки на группу высокопоставленных офицеров царандоя, подозреваемых в пособничестве моджахедам. Он смог убедить руководителя ХАДа в том, что его подозрения не беспочвенны, и за отдельными руководящими работниками царандоя установили наружное наблюдение.

Через несколько дней на стол «Крота» легло донесение «семерочников», из которого следовало, что начальник уголовного розыска царандоя Асад имел встречу с хозяином автомастерской. По всем приметам, та встреча носила конспиративный характер. Хозяина мастерской установили в тот же день. Это был Джан Мохамад.

За его мастерской также было установлено наружное наблюдение, и через пару недель на пленку были зафиксированы все люди, что бывали у «Худойрама». Фотографии легли на стол «Крота», а через несколько дней их уже рассматривал Хаджи Латиф. В одном из них он узнал члена собственной группы. Это был тот самый связник, что работал в паре с агентом «Аскаром»...

* * *

Был обычный теплый декабрьский день. Джан Мохамад был в мастерской и копошился в двигателе очередного расхлестанного «автоконя». После его ареста хадовцами и ввода в Кандагар советских войск все бывшие помощники исчезли в неизвестном направлении, и теперь приходилось крутиться одному, как белке в колесе. Коммерция должна была идти своим чередом, чтобы обеспечивать надежную «крышу» его второй, скрытой от посторонних глаз работе.

Чисто интуитивно он почувствовал, что в мастерскую кто-то вошел. Просто-напросто в мастерской стало немного темней, из чего следовало, что в проеме ворот кто-то стоит. Джан Мохамад распрямылся и увидел мужчину лет тридцати.

Хозяин поздоровался с ним, на что незнакомец ответил приветствием.

Никакой техники при незнакомце не было, в связи с чем Джан Мохамад поинтересовался, что привело незнакомца в его мастерскую.

Тот, в свою очередь, очень внимательно разглядывая Джан Мохамада, произнес фразу, от которой тот невольно вздрогнул:

– Здравствуй, бача Джан.

Так его мог называть только один человек.

– Не верю своим глазам! Шакур Джан, неужели это ты?!

Мужчины кинулись друг другу в объятия. Потом был долгий и бурный разговор двух закадычных друзей, не видевших друг друга почти шесть лет.

В тот день Джан Мохамад закрыл свою мастерскую раньше обычного.

Он был очень гостеприимным человеком и не мог себе позволить, чтобы его друг детства, прилетевший по служебным делам из Кабула, ночевал в какой-то вшивой гостинице.

Весь вечер они говорили, вспоминая яркие моменты своей юности. Джан Мохамад познакомил своего друга с супругой и, самое главное, со своим трехлетним сыном – Шакуром, не забыв при этом подчеркнуть, в честь кого он дал имя своему сыну.

Спать легли далеко за полночь.

А рано утром, сославшись на то, что с утра должен быть на приеме в губернаторстве, Шакур Джан простился с хозяевами и ушел.

Джан Мохамад и предположить не мог, что посетивший его в тот день друг детства Шакур Джан и есть тот самый «инженер», а точнее, полевой командир Гафур Джан, которого так долго вычисляли его агенты.

Когда связника приволокли к Хаджи Латифу, он был уже в полуобморочном состоянии от побоев и допросов, длившихся почти сутки. На единственный вопрос: «На кого работаешь?», задаваемый ему истязателями, он отвечал: «Ничего не понимаю. Я ни в чем не виноват». Он отлично понимал, что его все равно казнят, независимо от того, выдаст он «Аскара» или нет. Но выдачей товарища он поставит точку еще на одной жизни, а стало быть, своими руками уничтожит надежду на возможное отмщение за свою гибель. Нет, ничего не скажет он своим мучителям.

После непродолжительного общения с Хаджи Латифом связника казнили. Ему не стали резать горло, как это было принято у моджахедов. Его просто повесили на толстом суку гранатового дерева, а после этого ударом палаша отсекли голову от мертвого тела.

«Крот» оказался очень инициативным. Вместе с фотографиями посетителей Джан Мохамда он предоставил моджахедам ксерокопию оперативной установки на самого хозяина мастерской. После казни связника Хаджи Латиф зачитал эту установку присутствующим полевым командирам, и находившийся на совещании Гафур Джан сразу понял, о ком идет речь.

Тот визит к Джан Мохамаду было одним из звеньев тщательно спланированной операции.

Гафур Джан лично пробрался в город и выяснил, где находится мастерская его закадычного друга. В процессе бурного с ним общения он прикинул, сколько понадобится взрывчатки для того, чтобы уничтожить мастерскую вместе с ее хозяином.

Через пару дней после того, как друзья-лицеисты расстались друг с другом, к мастерской Джан Мохамда подъехала старенькая «япошка». Владелец машины попросил отрегулировать клапана в двигателе, пообещав заплатить хорошие деньги «за скорость и качество».

Джан Мохамад не знал, что в одну из дверей этой машины было заложено около десяти килограммов пластида, а будильник электронных китайских часов был установлен ровно на тринадцать ноль-ноль. До взрыва оставалось всего полчаса.

Вместе с Джан Мохамадом в тот день погибли еще два торговца, чьи дуканы располагались по соседству с его мастерской, а также трое случайных прохожих.

Гульнара

С детства Гульнара была очень шустрой девчонкой. В отличие от своих сверстниц, она не проявляла никакого интереса к девчачьим играм, всецело увлекшись подвижными шалостями, и все время проводила с мальчишками. Правда, играть с ними она могла лет до семи. С первых же дней посещения школы мальчиков и девочек разлучили друг с другом раз и навсегда. Гульнара пошла в женскую школу, а ее сосед Хафиз – в мужскую.

Кандагар во все времена был городом строгих шариатских устоев. Если в Кабуле девушки и женщины любого возраста могли ходить по улицам с открытыми лицами и это не считалось чем-то зазорным, то кандагарские девочки уже в одиннадцать лет надевали чадру. Сами они, наверное, никогда бы не нахлобучили на голову этот «мешок». Но тем не менее они вынуждены были это делать, поскольку в Кандагаре к молодой девушке, идущей по улице с открытым лицом, отнеслись бы как к обычной проститутке. К ней запросто мог подойти любой похотливый мужчина, пожелавший завладеть ее телом. Отказ от заманчивого предложения познакомиться поближе мог быть воспринят как оскорбление мужского достоинства, за что особа женского пола могла очень сильно пострадать. Вот и вынуждены были девушки, да и женщины тоже, носить этот противный «мешок» и всю свою сознательную жизнь смотреть на окружающий мир через сетку в мелкую клетку.

Родители Гульнары к разряду бедных не относились, но и богачами тоже никогда не были. Отец был водителем большегрузного автомобиля, на котором объездил почти полсвета. Мать же, в отличие от отца, никогда и нигде не работала, поскольку всю свою жизнь занималась воспитанием детей. А их в семье было пятеро, и все – девочки.

Гульнара была самой младшенькой в семье и, наверное, поэтому самым любимым ребенком. Родители в ней души не чаяли, а для старших сестер она была живой куклой, с которой они играли с утра до ночи.

Шло время. Гульнара подросла и поступила на учебу в школу.

Нет никакой необходимости рассказывать об этом периоде жизни Гульнары, но следует все-таки отметить, что учеба давалась ей легко и все преподаватели ставили ее в пример другим девочкам, отмечая ее незаурядные способности.

Счастливое детство Гульнары закончилось разом, когда до ее четырнадцатилетия оставалось буквально несколько дней.

Уезжая в очередной дальний рейс, отец пообещал привезти на день рождения хороший подарок.

Привез.

Мать вызвали в полицию и сообщили страшную новость – на машину, в которой ехал муж, на территории Пакистана напали дорожные бандиты. Бандиты, видимо, позарились на партию дорогостоящего товара, который он вез из Индии в Германию. Товар был полностью похищен, а машина вместе с водителем сожжена.

С матерью, не выдержавшей потрясения, вызванного смертью мужа, случился удар, после которого она прожила всего неделю.

Две старшие сестры Гульнары в ту пору были уже замужем и жили своими семьями. А в родительском доме остались три младшие сестры – Гульнара и еще две девочки, старшей из которых не исполнилось еще и семнадцати. Перед сестрами встала проблема – как выживать в такой ситуации. Никто из них еще не работал, а все имеющиеся небольшие сбережения ушли на похороны сначала отца, а потом и матери. Оставшихся денег хватило на пару месяцев.

А тут еще появился владелец автомашины, на которой работал отец. Он привел с собой нотариуса, и тот предъявил какой-то документ, из которого следовало, что в случае повреждения арендованной машины, арендатор, то есть отец, всем своим имуществом отвечает перед

арендодателем. Никакие доводы насчет того, что машина была сожжена не по вине отца, на арендатора не действовали. Все закончилось тем, что девочек просто-напросто вышвырнули из их же собственного дома, оставив ни с чем. Правда, хозяин автомашины напоследок проявил «снисходительность» и на деньги, которые полагались им за потерю кормильца, помог приобрести небольшую мазанку в кишлаке Сарпуза.

Муж самой старшей из сестер, работавший клерком в губернаторстве, попытался было восстановить справедливость и вернуть дом его законным владельцам. Но в это время в Кабуле произошел военный переворот, в результате которого король Захир Шах был отстранен от управления страной, а к власти пришел его родственник – Дауд. Оказалось, что тот владелец автомашины (и не только ее одной) каким-то образом был хорошо знаком с Даудом, и новоиспеченный президент пригласил его на работу в одно из министерств. Естественно, все материалы с претензиями к этому человеку в мгновение ока исчезли.

В жизни трех сестер начался непростой этап.

По окончании летних каникул Гульнаре нужно было решать, как быть дальше – идти в школу и продолжать учебу или искать хоть какую-нибудь работу, чтобы иметь средства для существования.

Старшие сестры проявили сострадание к младшим. Они уговорили своих мужей взять их на «дистанционное» воспитание. По очереди навещали их по новому месту жительства, помогали небольшими суммами денег и продуктами питания. Все остальное, что было связано с бытовым устройством – стирка, приготовление пищи и прочее, девочки делали сами.

А на следующий год старшая из девочек очень удачно вышла замуж и, покинув их общее жилище, так же как и другие старшие сестры, присоединилась к оказанию «гуманитарной помощи» младшим сестренкам.

Через два года Гульнара наконец-то закончила учебу в школе и получила аттестат об образовании, в котором по всем изучаемым предметам были проставлены только отличные оценки.

Дальнейшая перспектива ее жизни была как в тумане. Ко всему прочему, у нее появилась проблема в лице сестры Зульфий. За полгода до окончания Гульнарой школы Зульфия сломала руку. Перелом оказался роковым. В результате травмы развился туберкулез кости, и руку пришлось ампутировать, чтобы предотвратить распространение опасного заболевания по всему организму. Все основные заботы по дому легли на Гульнару, поскольку сестра-инвалид не могла самостоятельно позаботиться о себе.

Но, видно, есть все-таки Всевышний.

По рекомендации директора школы Гульнару взяли на работу в одно солидное учреждение на должность секретаря. Полученные в школе знания очень здоровогодились ей в освоении профессии, и уже через полгода она занимала должность секретаря-референта. А еще через полгода коллеги по работе познакомили ее с владельцем автомастерской Джан Мохаммом...

Боже! До чего же она была счастлива, когда у них родился первенец. По настоянию мужа сына назвали Шакур Джаном – в честь его закадычного друга, которого она до этого никогда не видела.

С работой пришлось расстаться. Сначала на время, в связи с рождением ребенка, а потом и навсегда. Свершилась Саурская революция, и в Афганистане много чего произошло. В частности, ликвидировали за ненадобностью то самое учреждение, в котором она работала. Но Гульнаре теперь было все равно. Зарабатываемых мужем денег вполне хватало на ведение безбедного образа жизни. Сразу же после свадьбы они сняли неплохую комнату в одном из больших домов в современном районе Кандагара. Лично для Гульнары проживание в мазанке ушло в прошлое. Хотя свою сестру она продолжала регулярно посещать. Чтобы облегчить ей жизнь, она уговорила мужа купить небольшую стиральную машину, которую подарила Зульфие в день

двадцатилетия. Сестра от счастья даже расплакалась. Для нее, инвалида, это был, пожалуй, самый дорогой подарок за всю ее короткую жизнь.

Безмятежная жизнь для семьи закончилась, когда сыну исполнилось полтора года. В стране происходило что-то странное и страшное. Люди, с кем Гульнара была знакома по школе и работе, стали бесследно исчезать. На базаре, куда она ходила почти ежедневно, поговаривали о том, что новые власти ищут крайних в том, что провозглашенные в стране реформы пробуксовывают. По вечерам у нее были долгие разговоры с мужем. Он тоже ничего не мог понять из того, что происходит в стране, но надеялся, что все это очень скоро прекратится.

А однажды вечером он не вернулся с работы. Такого за ним никогда не замечалось.

Ночь Гульнара не сомкнула глаз, а утром поспешила в мастерскую мужа. Ворота мастерской и задняя дверь оказались закрытыми. Сердце у Гульнары от волнения стало вырываться из груди. Она наняла моторикшу и поехала в Мабас. В те дни в народе ходила поговорка: «Если вы кого-то ищите, то в первую очередь ищите в Мабасе, а уж потом – в морге городской больницы».

Тюремный дежурный, проверив какие-то списки, заявил, что ее муж в Мабас не доставлялся. Тюремщик ко всему оказался юмористом. Он посоветовал заходить почаще, глядишь – муж и объявится.

Муж вернулся домой на третьи сутки. Вид у него был крайне изможденный. Он рассказал жене, что все эти дни находился в ХАДе, где его допрашивали по каким-то делам, к которым он не имеет никакого отношения.

Еще с месяц Гульнара жила в страхе, ежеминутно ожидая, что мужа вновь арестуют. Но ничего такого не произошло.

Вместо этого в Кабуле произошла очередная смена власти, а в Афганистан вошли войска Советского Союза. Спустя несколько дней они появились и в Кандагаре...

Летом 1980 года молодые супруги решили обзавестись вторым ребенком. Сказано – сделано. Уже строили планы насчет того, кто у них родится. Но произошло непредвиденное. У Гульнары очень поздно обнаружилась внематочная беременность. Спасая ее от неминуемой смерти, врачи сделали очень серьезную операцию, после которой Гульнара уже не могла больше рожать. Для нее это было сравнимо с трагедией всей жизни. Лучше бы она умерла на операционном столе, чем жить вот так, осознавая, что никогда больше не ощутишь радость материнства. Знать бы ей тогда, какие еще испытания приготовила для нее судьба...

* * *

Первый удар «судьбы-индейки» пришелся аккурат на день рождения сына.

В апреле 1981 года, в день празднования третьей годовщины Саурской революции, ему исполнилось ровно три года. Сестра Зульфия решила поздравить племянника с днем рождения и накануне с утра пошла в город, чтобы заранее купить ему какой-нибудь бакшиш. Когда она уже подходила к «Черной площади», по дороге пошла колонна советских военных машин и бензовозов. До дороги, по которой двигались машины, оставалось не более ста метров, когда прозвучали громкие выстрелы, а потом взрывы. Два бензовоза вспыхнули ярким пламенем, и черный дым мгновенно заволок все небо. Бронемашины, следовавшие в колонне, открыли яростную стрельбу из всех пушек и пулеметов, и, пока Зульфия раздумывала, как ей поступить, крупнокалиберная пуля разворотила ей грудь.

О смерти своей сестры Гульнара узнала от собственного мужа. Вечером того же дня он пришел домой сильно взволнованный. На вопрос жены: «Что стряслось?», он рассказал о том, что днем, при отражении нападения на советскую автоколонну на «Черной площади», погибла случайно оказавшаяся там однорукая женщина. Судя по приметам, это была ее сестра Зульфия.

Гульнара даже не поинтересовалась у мужа, откуда ему стало известно о гибели сестры. А он обо всем этом узнал лично от Асада.

Утром следующего дня в сопровождении мужа она проследовала в морг городской больницы, где им предъявили на опознание труп той самой однорукой женщины. Конечно же, это была Зульфия. В тот же день ее похоронили на одном из городских кладбищ, рядом с могилами родителей.

После смерти Зульфии злой рок, словно заразная болезнь, стал преследовать Гульнару и ее родственников.

Летом того же года при обстреле моджахедами города осколком мины был убит муж ее старшей сестры. Тот самый, что в свое время ходатайствовал за младших сестреночек о возвращении им отчего дома. А буквально через месяц после этого несчастья при родах второго ребенка умерла сестра Нарина – самая старшая из их бывшей «отшельнической троицы».

Но самый страшный удар судьбы пришелся на семью самой Гульнары.

Незадолго до окончания того рокового года, когда она как обычно занималась дома по хозяйству, в комнату постучали. Она открыла дверь и обмерла. В дверях стояли трое мужчин, из которых двое были в форме офицеров царандоя. Ноги у Гульнары сразу стали ватными и непослушными. До нее не сразу дошло, что царандоевцы приглашают проехать с ними до мастерской мужа, поскольку там что-то произошло.

Дальнейшее происходило как в тумане. Вместо мастерской мужа и стоявших рядом с ней дуканов она увидела дымящуюся грудку развалин, обильно залитых водой пожарной машины. По развалинам ходили люди, копошащиеся в куче мусора и вытаскивающие какие-то предметы. Когда один из них вытащил из руин окровавленную человеческую ногу, Гульнара потеряла сознание...

По городу ходили разные слухи о причине взрыва в мастерской Джан Мохамата. Одни люди говорили, что он был связан с моджахедами и делал для них бомбы. Другие утверждали, что Джан Мохамат взорвался случайно, ремонтируя душманский автомобиль, в котором была заложена взрывчатка, приготовленная для организации диверсии совсем в другом месте.

Через пару дней после похорон мужа к Гульнаре наведлся незнакомый мужчина, назвавшийся Асадом. Он представился начальником уголовного розыска царандоя. Подробно расспрашивая о последних днях жизни Джан Мохамата, он интересовался всем, что тот говорил жене о своей работе и о людях, которые были его клиентами. Попросил показать письма, поступившие на его имя за последнее время. Расспрашивал о друзьях и знакомых, с кем он общался все это время.

Убитая горем Гульнара ничем не могла помочь этому человеку. Она только сейчас поняла, что у ее мужа, кроме семьи, никого больше не было. О работе он вообще никогда ничего не говорил. Ремонтировал автомашины, мотоциклы и другую технику. Домой приходил уставшим и после ужина сразу ложился спать, поскольку рано утром ему нужно было вновь уходить в мастерскую.

Когда представитель царандоя уже собрался уходить, Гульнара вдруг вспомнила о визите в их дом друга детства ее супруга. Офицер записал фамилию, имя друга и его приметы. Уходя, он пообещал сообщить о результатах расследования этого преступления. В том, что Джан Мохамат стал жертвой преступления, он и не сомневался.

Гульнара в тот момент и не догадывалась, что ее только что посетил человек, с которым мужа связывало многолетнее негласное сотрудничество.

Неожиданный визит друга детства в квартиру Джан Мохамата заинтересовал Асада. По опыту оперативной работы он знал, что случайные встречи порой носят совсем иной характер.

По закрытым каналам связи он запросил в МВД всю информацию о Шакур Джане. Результат оказался ошеломляющим. Человека с такой фамилией уже три года разыскивали органы госбезопасности Афганистана. Шакур Джан подозревался в связях с моджахедами, а

также в организации взрыва в комнате общежития, где он проживал, в результате которого погибли два сотрудника ХАДа.

Что привело Шакур Джана в Кандагар? Какую роль он сыграл в гибели Джан Мохамата? На все эти вопросы Асаду предстояло найти ответы.

Несколько позже по почте пришла фотография Шакур Джана, сделанная в свое время кабульскими хадовцами. Эту фотографию показали негласным сотрудникам уголовного розыска и максуза. Один из связников максуза узнал изображенного на фотоснимке человека.

Это был неуловимый полевой командир Гафур Джан.

Понимая, какую опасность в себе таит случайное знакомство Гульнары с Гафур Джаном, Асад немедленно поехал к ней домой.

Дверь квартиры открыл незнакомый мужчина. Представившись, Асад поинтересовался, что он делает в квартире семьи Джан Мохамата. В свою очередь, мужчина был крайне удивлен вопросом Асада и заявил, что не знает никакого такого Джан Мохамата, а квартиру эту он снял несколько дней тому назад. Новый жилец дал Асаду адрес владельца дома, посоветовав обращаться именно к нему по всем интересующим вопросам.

Владелец дома очень испугался, когда Асад, вызвавший его к себе в кабинет, со свирепым выражением лица начал расспрашивать о том, куда исчезла Гульнара с сыном, недвусмысленно намекнув на криминальную подоплеку их исчезновения. Потом, немного оправившись от прессинга со стороны царандоевского чиновника, хозяин дома рассказал Асаду следующее.

Спустя неделю после гибели Джан Мохамата к его жене пришли родственники дукандоров, погибших при взрыве. Они потребовали возмещения ущерба за смерть близких им людей и утраченное при взрыве имущество. Гульнара пыталась оправдываться, намекая на то, что ее семья тоже осталась без кормильца, а все ценное имущество также уничтожено взрывом. Но кредиторы были неумолимы. Они добились своего, ободрав Гульнару словно липку. Вывезли все ценное, что было в ее квартире. Не побрезговали даже предметами первой необходимости. После такой зачистки квартиры в ней остались только голые стены. Не на чем было даже кушать и спать, поскольку мебель эти люди вывезли в первую очередь.

На хозяина дома эти люди также оказали моральное давление, предупредив его, что все доходы от сдачи жилья в аренду Гульнаре он теперь будет отдавать им в качестве компенсации за ущерб, нанесенный их семьям. Хозяину дома такой поворот дела был совсем ни к чему. Он потребовал от Гульнары предоплаты за аренду жилья вперед за год, заранее зная, что таких денег у нее нет и ей не останется ничего, кроме как покинуть квартиру.

Куда она переехала вместе с сыном, владелец дома не знал...

А Гульнара, собрав свой нехитрый скарб, уместившийся в небольшом узле, взяла за руку сына и побрела с ним в кишлак Сарпуза.

Мазанка, в которой она ранее проживала с сестрами, пустовала без жильцов почти девять месяцев. После гибели сестры Зульфий Гульнара несколько раз навещалась в кишлак, чтобы проверить сохранность их бывшего скромного жилища. Еще весной мародеры украли из дома почти всю посуду и кое-что из вещей, в том числе ту самую стиральную машину, стоявшую второй год без дела из-за отсутствия в кишлаке электроэнергии.

После смерти мужа к Гульнаре и ее сыну потеряли интерес все, с кем она до этого находилась в дружеских отношениях. У людей хватало своих собственных проблем, и им не очень-то хотелось связывать себя какими-то обязательствами с попавшим в беду человеком.

Гульнара чисто по-человечески их понимала, но в глубине души затаила обиду на всех, кто отвернулся от нее в самую трудную минуту.

Но делать нечего. Нужно было самой как-то выкручиваться из сложившейся ситуации.

Через женскую общественную организацию Гульнара предложила свои услуги. Она была готова работать где угодно и кем угодно, чтобы прокормить себя и в первую очередь – своего малолетнего ребенка.

И судьба улыбнулась ей. Она была трудоустроена в гостиницу, расположившуюся в двухэтажном доме в шестом районе города.

Работа в гостинице была универсальной. С утра Гульнара мыла полы в коридоре гостиницы, а как только ее немногочисленные постояльцы разбредались по делам, она наводила порядок в гостиничных номерах, попутно меняя постельное белье в освободившихся номерах. После обеда она вручную стирала грязные наволочки, простыни и полотенца, вывешивала их для сушки на заднем дворе гостиницы, а потом, погладив высохшее белье, складывала его в специальный шкаф.

Постепенно она втянулась в эту рутинную работу, за которую владелец гостиницы еженедельно платил ей по двести афгани. На религиозные праздники к этим деньгам хозяин добавлял еще сто афгани в качестве материальной помощи и премии одновременно. Деньги не ахти уж какие, но жить на них было можно. По крайней мере голодать не приходилось.

Через женсовет Гульнару и ее сына включили в список на получение ежемесячной гуманитарной помощи, а это означало, что ее семье в конце каждого месяца стали выдавать литр растительного масла, килограмм жира, четыре килограмма риса, килограмм сахара, пару килограммов муки и сто граммов чая. Не разносол, конечно, но все же какое-то подспорье.

Так они и жили вдвоем в своей мазанке все последующие годы. Один день сменял другой. На смену зимы приходила весна, а после лета наступала осень.

В кишлаке довольно часто появлялись моджахеды. Захаживали они и в мазанку Гульнары. Поначалу интересовались, кто она такая, но потом, привыкнув к ней и ее сыну, перестали обращать на них внимание.

Появление в кишлаке моджахедов, как правило, заканчивалось обстрелами советских автоколонн, шедших через «Черную площадь». Шурави в ответ на вероломные выходки моджахедов стреляли по кишлаку из всех видов оружия. Обстрелы кишлака происходили днем, именно в тот момент, когда Гульнара была на работе. Чтобы сын не попал под шальную пулю или осколок, она строго-настрого запрещала ему покидать двор. Для большей надежности закрывала входную дверь двора на огромный висячий замок.

Но не только моджахеды приходили в кишлак. Частенько в нем бывали и царандоевцы, и хадовцы, да и шурави тоже.

Как-то раз в джуму, прихватив своего сына, Гульнара пошла в город. Нужно было купить ему новые штаны, поскольку из старых он уже вырос и к тому же износились они основательно.

Возвращаясь после полудня домой, она обнаружила, что дверь в дувале отсутствует. На кованых петлях дверного косяка висели рваные остатки того, что раньше было дверью, а остальные, обгоревшие и еще дымящиеся дверные доски, были раскиданы по всему двору. Входная дверь мазанки тоже была распахнута настежь. Войдя в мазанку, Гульнара обнаружила в ней полнейший разгром. Все вещи были разбросаны по земляному полу. На полу лежали и мука, и рис, и другие крупы. Неизвестные лиходеи выпотрошили все банки, в которых лежали запасы продовольствия. Тщательно осмотрев мазанку, Гульнара не обнаружила сковородку и большую кастрюлю. По всей видимости, неизвестные унесли их с собой.

Плача и посылая проклятия на головы нечестивцев, она по крупинке, по крошке собрала с земли рассыпанные продукты и аккуратно сложила их обратно в банки. И кому это понадобилось лезть в их бедное жилище? Что они там искали?

Чуть позже во двор зашла женщина, что с двумя детьми и престарелой матерью жила в полуразрушенном доме на краю улицы. От нее Гульнара и узнала, что еще до обеда в кишлаке побывали хадовцы и шурави. Они искали моджахедов, которые якобы прошлой ночью пришли в кишлак и спрятались в одном из домов. Все замкнутые на замки двери они просто-напросто взорвали. Соседка также рассказала, что хадовцы увели с собой всех мужчин, проживавших в их кишлаке.

Без двери жизнь стала кошмаром, поскольку их жилище стало напоминать проходной двор. Все, кто случайно оказывался в кишлаке, да и жители кишлака тоже, лезли во двор в поисках какой-нибудь поживы. Гульнаре было боязно оставлять сына одного дома. Мало ли лихих людей на свете бродит. Не дай Бог, сотворят с пацаном чего-нибудь дурное. Попав в безвыходное положение, она тоже решила немного «помародерствовать». Полазав по кишлаку, она нашла почти целую дверь. Дом, где она раньше висела, был полностью разрушен взрывом снаряда. Одна дверь только и уцелела. Два вечера Гульнара разбирала завал, чтобы вытащить эту дверь. Потом она попросила одного старого бобо помочь ей перетащить дверь к себе во двор. У старика был ишак, которого он и использовал в качестве тягловой силы. Этот же бобо помог ей установить дверь на место. Она оказалась немного не по размеру, и бобо подтесал топором излишки досок.

Гульнара не знала, как и благодарить этого бобо. У самой-то у нее в доме почти ничего не было, чем можно было бы его задобрить. Отдала последнюю бутылку кукурузного масла. Дед был доволен этому бакшишу и на радостях из куска доски, оставшейся от взорванной двери, смастерил щеколду. Теперь дверь можно было закрывать изнутри. Гульнара могла со спокойной душой уходить на работу, не волнуясь за сына...

* * *

Как-то раз в гостинице поселился какой-то большой чиновник, прилетевший из Кабула. То, что он был большой шишкой, было понятно – в гостинице царандой выставил усиленную охрану. Вооруженные царандоевцы были в гостинице даже днем, когда этого постояльца там не было.

Жил он в гостинице с неделю. А перед самым отъездом пришел в свой номер не один. Вместе с ним были еще несколько человек, среди которых Гульнара узнала того самого мужчину, что заходил к ним домой после гибели мужа.

Мужчина тоже узнал ее. Подойдя, он поздоровался с Гульнарой, и между ними завязался разговор. Асад, а это был он, поинтересовался тем, где она сейчас живет, как сын и вообще как сложилась у них жизнь за почти пять лет, прошедшие с тех пор.

Гульнара подробно рассказала Асаду обо всем, что с ними было все эти годы. Асад кивал головой и сочувственно сокрушался, когда Гульнара рассказывала об особенно трудных днях своей жизни. Уже в конце разговора он сообщил ей о том, что царандой располагает информацией о людях, причастных к убийству мужа. Гульнара была шокирована тем, что услышала от Асада.

Уходя из гостиницы, Асад предупредил Гульнару, чтобы она была поосторожней, когда в кишлак заходят моджахеды, и никогда не показывала им своего лица. Не дай Бог, ее посетит сам Гафур Джан. Этот церемониться не будет. Запросто может убить, поскольку никогда не оставляет в живых посторонних людей, ставших свидетелями его преступной деятельности.

А через несколько дней Асад вновь посетил гостиницу. Найдя Гульнару, он попросил ее зайти в ближайшие дни в управление царандоя для оформления кое-каких документов, связанных с делом мужа.

Уже через пару дней у Гульнары появилась такая возможность. Посетителей в гостинице в тот день не было вообще, и вся работа в этот день заключалась только в мытье пола. Быстро справившись с этой работой, она направилась в царандой.

Асада она нашла сразу. Он сидел за огромным столом, стоящим посреди большого полукруглого кабинета. Когда она вошла в кабинет, там находились еще несколько человек, по всей видимости, это были сотрудники уголовного розыска. Они повернули головы в ее сторону и разом прервали разговор, который вели до этого. Не снимая чадры, Гульнара присела на стул, стоящий прямо у двери, но Асад жестом пригласил ее пересест поближе к столу.

Сотрудники покинули кабинет, а Гульнара осталась наедине с Асадом.

Асад начал издали. Он рассказал о том, как много лет тому назад познакомился с Джан Мохамадом. Не вдаваясь в детали, он живописал о том, как ее муж оказывал помощь полиции, а потом и царандою в раскрытии запутанных преступлений. Гульнара молча слушала Асада. То, о чем он сейчас говорил, для нее было откровением.

Но зачем он ей об этом рассказывает?

Асад словно уловил немой вопрос Гульнары.

Он открыл какую-то папку, лежащую на столе, и достал оттуда фотографию, которую передал Гульнаре. Взяв фотографию в руки, она внимательно вгляделась в изображенное на ней лицо молодого человека. Она сразу узнала его. Это был друг детства мужа – Шакур Джан. Она хорошо его запомнила, когда незадолго до гибели мужа он приходил к ним домой в гости.

Об этом она и сказала Асаду.

Асад кивнул головой, подтверждая ее слова.

– Все правильно, – продолжил он. – Это действительно тот самый друг детства вашего мужа. Но только сейчас он носит совершенно иное имя. Его зовут Гафуром. Это не кто иной, как полевой командир моджахедов Гафур Джан. Надеюсь, Гульнара, ты понимаешь, насколько опасен этот человек, у которого руки по локоть в крови невинных жертв. Ему совершенно безразлично, кого убивать. Он не жалеет ни детей, ни женщин, ни стариков. Он уничтожает всех, кого считает своими врагами. Вместе со своей бандой он частенько бывает в районе «Черной площади», и я боюсь, что рано или поздно ваши пути пересекутся. В случае, если это произойдет, постарайся не показывать ему своего лица. Если он тебя узнает, может произойти непоправимое.

Гульнара сидела молча, не в состоянии произнести ни слова. Только что она узнала много такого, о чем ранее никогда и не догадывалась. От такой порции убийственной информации у нее разболелась голова, и произносимые Асадом слова эхом дублировались где-то там внутри черепной коробки.

Ей стало страшно. Страшно не за себя, а за своего сына. Ведь если теперь ее узнает этот головорез Гафур Джан, пострадает не только она, но и единственный сын.

Асад интуитивно почувствовал изменение в настроении Гульнары и свой дальнейший разговор с ней перевел в совершенно иное русло.

Он стал расспрашивать Гульнару о моджахедах, частенько посещающих их кишлак. Но та никого из них не знала. Да, действительно, захаживают моджахеды в их кишлак. Да, обстреливают они советские автоколонны. После каждого такого обстрела Гульнара в страхе ожидает, что их мазанку окончательно разрушат шурави своими бомбами и снарядами.

Асад успокоил Гульнару и заверил, что она может больше не опасаться. Лично он сделает все, чтобы этого никогда не произошло.

Он не стал признаваться Гульнаре в том, что уже предпринял все необходимые меры, для того чтобы обезопасить жизнь ее семьи. Еще во время их прошлой встречи в гостинице он выяснил у Гульнары местонахождение их мазанки, а советник уголовного розыска – Володя Головкин – передал всю необходимую информацию на ЦБУ 70-й бригады. С того дня на главной оперативно-тактической карте ЦБУ, а также на всех остальных картах подразделений артиллерии и авиации появился еще один маленький квадратик. А это значило, что по клочку земли, скрывающемуся под этим маленьким квадратиком, категорически запрещается наносить БШУ и артудары.

Таких квадратиков, треугольников и кружочков на оперативно-тактических картах 70-й ОМСБ и ее боевых подразделений было великое множество. За каждым таким условным значком на карте стояла чья-то жизнь, которую тщательно оберегали офицеры советских и афганских спецслужб. В случае гибели конкретного человека или группы людей, скрывавшихся за закодированными квадратами, или же при изменении оперативной обстановки эти условные

знаки с карт удалялись. Но появлялись новые, точно такие же условные знаки, там, где того требовала оперативная целесообразность.

Эта работа с топографическими картами напоминала «броуновское движение», и она ни на день не приостанавливалась. Но Гульнара об этом и не догадывалась. Да и незачем ей было это знать.

В тот день, когда Гульнара побывала у Асада в кабинете, он не стал склонять ее к негласному сотрудничеству с царандоем. Морально она к этому была еще не готова. Нужно было время, для того чтобы она переварила все то, о чем он ей рассказал.

А Асад и не собирался торопиться. Он был не только хорошим агентуристом, но и хорошим психологом. Гульнара должна была дозреть до того момента, когда ей можно было бы давать какие-то конкретные задания...

* * *

И она созрела.

«Духи», сами того не подозревая, подтолкнули ее на принятие такого решения.

Месяца через два после того, как она имела беседу с Асадом, в их кишлак с наступлением ночных сумерек пробралась группа моджахедов численностью около двадцати человек. Все они были до зубов вооружены, поскольку готовились к нападению на один из постов первого пояса обороны города. В ожидании часа «икс», на который было запланировано нападение, они разбрелись по северной окраине кишлака. Двое моджахедов выбили входную дверь в дувале, сломав при этом крепление деревянной задвижки. Услышав какой-то шум во дворе, Гульнара вышла во двор посмотреть, что же там случилось. Но в этот момент чья-то сильная рука крепко обхватила ее за тонкую талию, а вторая рука зажала рот. Гульнара не могла разглядеть чело- века, крепко державшего ее в своих объятиях, поскольку он стоял сзади. Она только слышала его сопение. В этот момент из темноты появилась фигура еще одного моджахеда. Он подошел к ней почти вплотную и негромко произнес:

– Будешь кричать, зарежу, как барана.

Потом он вошел в дом и, убедившись, что там, кроме спящего Шакур Джана, никого больше нет, вновь подошел к Гульнаре.

Размахивая перед ее лицом острым кинжалом, он с ухмылкой продолжил:

– Сейчас ты получишь от нас море удовольствий. Но это при условии, что не будешь орать. В противном случае распрощаешься со своей дурной головой, а заодно и со своим выкорыщем.

Гульнара от страха не то что кричать не могла – совсем потеряла дар речи. Она только на секунду представила, что могут сделать эти нелюди с ней самой и ее сыном, и ей стало дурно.

Все, что произошло потом, она позже вспоминала как какой-то дурной сон. «Духи» по очереди изнасиловали ее, порвав при этом сорочку, в которой она впопыхах выскочила во двор. Вволю поиздевавшись над ней, они удалились со двора, пообещав вернуться через пару дней.

В ожидании очередного визита этих мерзавцев в свой дом, Гульнара чуть было не сошла с ума. Но они не пришли к ней ни через два дня, ни позже. Она не могла знать, что уже в ту ночь при нападении на царандоевский пост они получили достойный отпор и несколько человек из банды погибли. Одному из ее обидчиков пулей разворотило голову, а второму насильнику осколком мины оторвало руку, и он умер от потери крови. Так судьба распорядилась с негодяями, поизмывавшимися над незащитной женщиной.

То ночное происшествие перевернуло все в ее душе.

Гульнара совершенно по-иному стала смотреть на все происходящие вокруг нее события. Она даже забыла про обиду, которую затаила до этого на хадовцев и шурави, устроивших погром в ее доме. Если они разыскивали моджахедов, подобных тем, что ее изнасиловали,

стало быть, они делали благое дело, очищая землю от всякой нечисти. Вновь и вновь вспоминая, что говорил ей Асад во время их последней встречи, она все больше стала убеждать себя в том, что выбранный ее мужем тернистый жизненный путь был, наверно, единственно верным.

В первых числах декабря 1986 года Гульнара сама пришла к Асаду.

В тот день я сидел в его кабинете и решал с ним текущие вопросы, связанные с деятельностью спецотдела. В кабинет постучали, и в приоткрытую дверь заглянул дневальный, постоянно сидевший у входа в коридор, где располагались кабинеты сотрудников уголовного розыска. Дневальный доложил о чем-то Асаду, и тот в свою очередь махнул рукой, давая понять, что он разрешает войти в кабинет человеку, о котором говорил дневальный.

В кабинет вошла худенькая женщина невысокого роста. Из-за чадры лица ее разглядеть было невозможно. Не успев присесть на стул, женщина быстро-быстро затараторила. О чем она говорила, я не мог понять, поскольку моих навыков в знании языка дари в ту пору хватало лишь для обмена взаимными любезностями с афганцами.

Асад внимательно слушал женщину, постоянно кивая головой. В какой-то момент он сделал жест рукой, давая понять посетительнице, чтобы она приостановила свою бурную речь. Женщина замолчала.

Обращаясь ко мне, Асад по-русски произнес:

– Это жена «Худойрама».

За четыре месяца общения со своим подсоветным – Амануллой, да и с Асадом тоже, я знал достаточно много из того, что было связано с царандоевской агентурой. О личности «Худойрама» и его непростой судьбе мне подробно рассказывал советник уголовного розыска Володя Головков, буквально на днях уехавший домой по завершении срока служебной командировки. Немного раньше о нем мне так же говорил и Валера Махнаткин, которого я сменил на посту советника максуза и с которым имел честь неделю общаться до отъезда его в Союз. Поняв, кто передо мной сейчас сидит, я едва не поднялся, чтобы преклонить голову перед этой женщиной. Но вспомнив, что у афганцев не принято этого делать, только кивнул головой. Мне показалось, что через мелкую сеточку чадры я увидел пронзительный взгляд Гульнары. Но, может быть, мне это только показалось, поскольку подсознательно хотелось, чтобы именно так все и было.

Асад молчал. Молчала и Гульнара. Их обоюдное молчание я воспринял как некую просьбу – удалиться из кабинета. Судя по всему, между ним и Гульнарой должен был состояться очень серьезный разговор, и я оказался «третьим лишним». По тому, как загорелись глаза у Асада, я понял, о чем он сейчас будет говорить с Гульнарой.

Собрав все свои «талмуды», разложенные на приставном столике, и сославшись на то, что мне надо побывать еще в спецотделе, я попрощался и тихо мирно удалился из кабинета.

Крутые повороты судьбы

Еще не высохли чернила на подписке о неразглашении сотрудничества, а у Гульнары уже появились первые проблемы. На следующий же день после ее встречи с Асадом она осталась без своей основной работы в гостинице.

Нет, ее никто оттуда и не собирался увольнять.

Просто-напросто советские летчики, накануне прилетевшие из Шинданта на замену своим кандагарским коллегам, по ошибке нанесли ракетно-бомбовый удар по шестому району города. По иронии судьбы, были разбомблены дуканы на площади «С пушками», провинциальный комитет НДПА, управление ХАДа и та самая гостиница. От прямого попадания бомбы обрушилась часть гостиницы, и в ней начался пожар.

В тот день – 8 декабря 1986 года – за считанные минуты погибли около двухсот ни в чем не повинных мирных жителей, в основном, торговцы и случайные прохожие. Серьезные травмы получили два советника ХАДа, а работавший со мной переводчик – контузию. Страшное, должен вам сказать, это было зрелище. Картины того ужасного дня, когда моя собственная жизнь висела на волоске, до сих пор стоят перед глазами.

* * *

Гульнаре здорово повезло. Хозяин гостиницы отослал ее на рынок прикупить кое-что из канцелярских принадлежностей, и она была уже на полпути к рынку, когда все это произошло. Спасаясь от разлетающихся по улице осколков стекол и кирпича от взорванных дуканов и кантинов, Гульнара заскочила в первый же попавшийся дукан, где укрывалась до тех пор, пока бомбежка не закончилась.

От гостиницы практически ничего не осталось. То, что не разрушила авиабомба весом в четверть тонны, сгорело в огне пожарища. Хозяин гостиницы тоже погиб под руинами своей частной собственности...

Асад не планировал делать из Гульнары какого-то суперагента. Все было намного прозаичнее. Недостатка в агентах, внедренных в разное время в бандгруппы, оперативные службы царандоя в тот момент не испытывали. Существенная проблема заключалась в том, как доставлять ценную информацию из «зеленки» в город.

С одной стороны, на пути негласных сотрудников стояли посты первого пояса обороны города. Взрослому мужчине такие передвижения вообще были заказаны, поскольку при пересечении КПП его в любом случае задержали бы. Если не как моджахеда, то как потенциального рекрута. Тайные пересечения охраняемых зон с их многочисленными минными полями могли привести к подрывам. А кому нужна была такая перспектива.

С другой стороны, «духи» тоже не дремали. На подходах к городу со стороны «зеленки» они выставляли всевозможные заслоны, засады и секреты, которые только тем и занимались, что вылавливали вражеских лазутчиков.

Негласный сотрудник порой вынужден был пройти через несколько таких заслонов, прежде чем попадал в город.

Вот и приходилось оперативникам придумывать разные хитрости, и все ради того, чтобы информация от внедренных в банды агентов доставлялась своевременно и без нанесения последним существенного вреда.

Вариантов доставки агентурной почты было великое множество. И одним из них стала пользоваться Гульнара.

Все было очень просто. Агент или его связник делали закладку письменной информации в специально подобранный тайник, а Гульнара должна была извлечь ее оттуда и доставить к

месту назначения. Причем эта связь была двусторонней. Через тот же тайник агентура имела возможность получать задания от оперативного работника.

О том, как все это делалось на практике, рассказывать можно очень долго. Но я не задавался целью посвящать читателей в эту шпионскую кухню, полагая, что их бурная фантазия сделает это лучше меня.

Могу сказать только одно – Гульнара оказалась на редкость талантливым импровизатором и неплохим конспиратором. Она сама подыскивала агентам новые тайники для закладок. Причем в таких местах, где появление постороннего человека не вызывало никаких подозрений ни у моджахедов, ни у жителей кишлака Сарпуза. А именно в том кишлаке она и оборудовала все свои тайники.

Постепенно она втянулась в эту неженскую и весьма не безопасную работу.

А опасна она была хотя бы только потому, что во всей связной цепочке могло оказаться одно-единственное «гнилое звено» в лице двойного агента или, что хуже, предателя. В случае провала Гульнаре грозила неминуемая смерть.

Из-за боязни за судьбу своего сына, к тому времени основательно подросшего и мотавшегося целыми днями по кишлаку, она договорилась с одним поставщиком мяса насчет того, что сын будет помогать ему и на время займется хоть каким-нибудь делом.

Владельцы кандагарских мясных лавок, занимающиеся своим бизнесом практически круглый год, за исключением священного месяца рамадан, скупали животных у жителей прилегающих к городу кишлаков, в том числе и Сарпуза. Пожалуй, единственная проблема, постоянно возникавшая у поставщиков, заключалась в доставке «живого товара» к месту назначения. Вот и вынуждены они были прибегать к услугам детей, у которых на КПП никто никогда не требовал документов. Независимо от времени года и дня недели Шакур Джан ежедневно должен был гонять в город небольшую отару овец, разводя животных по мясным лавкам.

Его обязанности на этом не заканчивались, а только-только начинались. Он помогал лавочникам стричь баранов, перед тем как их резали; паяльной лампой опаливал туши, предварительно вдвывая под кожу животных воздух, отчего те становились толстыми, словно бурдюки с водой; промывал в арыке кишки и желудок, очищая их от разлагающегося корма. Короче говоря, был на подхвате.

Никаких денег за выполняемую работу Шакур Джан не получал. Максимально, на что он мог рассчитывать, так это на небольшой кусочек внутренностей животного или же мотолыжку. Но и это он получал за свой едва ли не рабский труд только в том случае, если к концу торговли хоть что-то оставалось.

Мать жалела Шакур Джана и никогда не ругала за впустую проведенный день. По крайней мере, ей не нужно было думать о том, чем днем кормить сына. В свободные от торговли минуты лавочники устраивали себе чаепития, во время которых кое-что перепадало и Шакур Джану. Так что домой он возвращался иногда с пустыми руками, но никогда – с пустым желудком.

За негласное сотрудничество с царандоем ей стали выплачивать небольшое жалованье, которого вполне хватало на то, чтобы прикупить необходимые продукты питания и не думать о голоде.

* * *

Жизнь шла своим чередом, отсчитывая дни, недели, месяцы. Казалось, что так будет всегда.

Но однажды в эту размеренную жизнь Шакур Джана и его матери ворвалась страшная беда.

Случилось это на исходе осени 1987 года.

В тот день Шакур Джан, как обычно, погнал с утра небольшое стадо баранов в город, а Гульнара осталась дома. Ей нужно было проверить несколько тайников и извлечь оттуда записки агентов или их промежуточных связников.

Донесение от агента она обнаружила только в одном тайнике. Как обычно, она положила записку в потайной карманчик платья и собралась было уходить. Но в этот момент услышала сзади себя какой-то шорох, а потом топот ног. Обернувшись, Гульнара нос к носу столкнулась с бородатым верзилой.

– Не спеши, уважаемая. Может, поговорим немного?

От его слов Гульнара вздрогнула, и ей стало не по себе.

Хоть у верзилы и не было при себе никакого оружия, но и так было понятно, кто он такой. Косоротая ухмылка на лице моджахеда резко контрастировала с ледяным взглядом немигающих глаз. От этого взгляда по спине Гульнары пробежал легкий озноб.

Выкручиваясь из сложившейся ситуации, она попыталась что-то ответить верзиле, но никакие путные мысли на ум не приходили.

А верзила, взяв ее за руку, продолжил вопрошать:

– Что-то я раньше тебя в Сарпузе не видел. Ты кто такая, и где ты живешь?

Гульнара сбивчиво стала рассказывать о себе, но верзила перебил ее на полуслове:

– Иди, покажи дом, в котором ты живешь.

Делать нечего, Гульнаре пришлось повиноваться.

Еще когда они шли вдвоем по пыльным улочкам кишлака, верзила вытащил из внутреннего кармана жилетки небольшую радиостанцию и доложил кому-то, что все идет по плану. Ответа Гульнара не расслышала, но поняла, что здоровяк получил какое-то указание.

Гульнара лихорадочно соображала, что же ей делать с запиской. Выбросить ее вряд ли удастся, поскольку верзила, шедший сзади нее, внимательно следил за каждым ее движением. Дважды Гульнара оглядывалась назад, и оба раза он жестом показывал ей, чтобы она шла вперед, не оглядываясь.

Когда они дошли до дома, верзила одним ударом ноги вышиб входную дверь в мазанку. Дужку маленького китайского замочка, на который замыкалась дверь, вырвало с мясом.

Гульнара стала ругать моджахеда за испорченный им замок, на что он процедил сквозь зубы:

– Заткнись, дура. Тебе он вряд ли больше понадобится.

Гульнара как стояла, так и села на деревянную лавку, стоящую у стены мазанки.

А минут через двадцать к дому подъехала открытая машина, и с нее спрыгнули человек десять вооруженных до зубов моджахедов. Двое из них за ноги вытащили из минигрузовичка окровавленного человека в форме советского военнослужащего и волоком затащили его во двор.

Из кабины машины вылез человек в солнцезащитных зеркальных очках. Не спеша он прошел в дом, где двое моджахедов, сорвавшие с Гульнары чадру, связывали ей за спиной руки.

Несколько мгновений вошедший в мазанку человек молча рассматривал Гульнару, а потом, медленно сняв очки, спросил:

– Ну что, узнаешь меня, Гульнара?

Их взгляды встретились.

Гульнара почувствовала, как у нее из-под ног уходит земля.

Перед ней стояла ее смерть в лице полевого командира Гафур Джана...

* * *

Года за два до описываемых событий одному из сотрудников максуза удалось внедрить своего агента в банду Гафур Джана. Зная, что представляет собой этот полевой командир и

каким испытаниям он подвергает новых членов своей банды, руководство царандоя приняло решение «законсервировать» агента на неопределенный срок и не поддерживать с ним никакой связи. Вместе с остальными членами банды агенту пришлось участвовать в нападениях на советские и афганские автоколонны, взрывать военные и стратегически важные объекты. В течение полутора лет он был вынужден убивать всех, на кого указывал полевой командир. В противном случае Гафур Джан убил бы его самого. Уж чего-чего, а повязывать своих подчиненных кровью он умел.

Весной 1987 года, накануне очередной годовщины Саурской революции, группа Гафур Джана провела дерзкую вылазку в город. Самого Гафур Джана в ее составе тогда не было. Вместе со своими телохранителями он уехал за пару дней до этого в Кветту, где руководство ИПА проводило инструктивное совещание с полевыми командирами, воевавшими в южных провинциях Афганистана.

В ту ночь моджахеды обстреляли из гранатометов административное здание в центре города и, видимо, чересчур сильно на шумели. В погоню за ними увязались бойцы оперативного батальона царандоя. Спасаясь от преследования, моджахеды применили свою излюбленную тактику. Не вступая в бой с превосходящими силами, они разбежались в разные стороны, чтобы, отсидевшись днем в развалинах домов, уже следующей ночью встретиться вновь в заранее оговоренном месте и всей группой уйти в «зеленку».

У засланного в банду агента появилась реальная возможность дать о себе знать.

И ему это удалось.

Утром, когда он вылез из своего убежища, на улицах уже шумели базары. В общей толпе он добрался до одной чайной в старом городе. В свое время с ее хозяином его познакомил тот самый оперативный сотрудник максуза. Чайная была резервным явочным местом для таких, как он, сотрудников, потерявших по каким-то причинам связь со своими шефами.

Примерно через час в подсобном помещении агент получил подробную инструкцию о том, как ему быть дальше. В частности, оперативник рассказал ему о местонахождении тайника, через который они будут поддерживать связь друг с другом.

Канал двусторонней связи заработал примерно через неделю.

* * *

Агенту не всегда удавалось своевременно информировать руководство царандоя о замыслах моджахедов, но и той информации, что поступала от него в отношении банды Гафур Джана, было достаточно для того, чтобы нанести ей ощутимый урон.

За каких-то пять месяцев Гафур Джан потерял больше половины своего отряда. Практически ни одна операция против «неверных» не обходилась без серьезных потерь. Такого с его группой никогда раньше не было. Полевой командир был в ярости. Он отлично понимал, что причина всех его неудач, скорее всего, кроется в появившемся в его группе «кроте». Вот только кто он, этот человек? Как его вычислить?

Гафур Джан задумался и стал детально анализировать все, что произошло в текущем году. По всему выходило, что череда неудач началась сразу после того, как он весной съездил в Пакистан. Так что же могло произойти в отряде за период его отсутствия? Прорабатывая различные варианты, он остановился на одном из них.

Как-то раз ему в руки попала аналитическая справка ИПА. В ней, кроме всего прочего, описывались все известные случаи внедрения вражеской агентуры в ряды моджахедов. Так вот, там был описан один случай, когда член боевой группы моджахедов, попав всего на пару часов к хадовцам, был ими завербован.

Бросать тень подозрения на всех бойцов отряда у Гафур Джана не было оснований. Скорее всего, кто-то из них был завербован именно в тот момент, когда находился вне отряда.

Он вызвал к себе своего заместителя – «Палестинца» и потребовал от него детального доклада обо всем, что происходило в период его отсутствия, – именно «Палестинец» командовал тогда группой.

«Палестинец» составил список бойцов, участвовавших в той самой операции, после которой на отряд напал мор. Всего в этот список вошло двенадцать человек, что составляло почти половину общей численности отряда. Четверых из списка исключили сразу же, поскольку они погибли в последующих операциях. Еще двоих бойцов вычеркнули по причине их двухмесячного отсутствия в отряде. Оба залечивали свои раны в полевом госпитале Красного Креста в пакистанском городе Чаман.

Лично в «Палестинце» Гафур Джан мог не сомневаться. Этот громила, разыскиваемый Интерполом как международный террорист, появился в его отряде больше трех лет тому назад и успел показать, кто он есть на самом деле. Даже сам Гафур Джан побаивался этого непредсказуемого человека, для которого человеческая жизнь не стоила ни гроша. В нагрудном кармане жилетки «Палестинец» носил цветную фотографию, на которой он был изображен с самим Ясиром Арафатом. На снимке Арафат выглядел низкорослым сморчком, орлиный нос которого находился почти на одном уровне с животом «Палестинца». По национальности «Палестинец» был турком, прожившим большую часть своей жизни в Ливане. Никакого родственного отношения к палестинцам он не имел, а прозвище свое получил от евреев, против которых воевал на стороне палестинских боевиков. Будучи классным специалистом по всякого рода бомбам и взрывным устройствам, он пустил «под сплав» не один десяток евреев, в основном, женщин и детей... Маниакальное стремление истреблять слабый пол появилось у него еще в молодости, когда одна еврейская шлюшка наградила его сифилисом. Как-то раз, обкурившись чарза, «Палестинец» поведал окружающим, как он потом поступил с той проституткой. Пообещав ей «море удовольствий» и «необычайный секс», он привязал ее руки и ноги к спинкам кровати, после чего засунул во влагалище презерватив с пластидом. С его слов, от той проститутки остались только конечности да расколовшаяся на две части голова...

Оставалось пять человек, которых и нужно было подвергнуть тщательной проверке. Гафур Джан вместе с «Палестинцем» решили провести проверку каждого из них в отдельности.

Замысел акции был стар, как мир.

Как бы невзначай, в присутствии нескольких своих подчиненных они начинали обсуждать свои «грандиозные» планы на ближайшие дни. Среди «случайных» слушателей обязательно должен был находиться один из проверяемых. После каждой такой инсценировки, проводимой с интервалом в три дня, потенциальный подозреваемый брался под скрытое наблюдение. Если он действительно был лазутчиком, то, по логике вещей, должен был сделать все, чтобы каким-то образом сообщить своим хозяевам о том, что ему стало известно.

Проверка первых трех бойцов ничего не дала. Получив порцию «секретной информации», они не выказывали никаких признаков активности, ни с кем из посторонних не встречались, занимаясь каждый своим делом.

Еще при проверке первого бойца Гафур Джан внимательно изучил свои рабочие записи и сделал неожиданное открытие.

Моджахедовские лидеры, крепко осевшие в Пакистане, были невероятными бюрократами. Распределение ими денежных средств, вооружения и боеприпасов осуществлялось только после подробного отчета полевых командиров о проделанной ими работе. Вот и вынуждены были полевые командиры вести учет всего того, в чем принимали участие их подчиненные. Доходило до того, что любой, даже разведывательно-поисковый рейд в пригородах Кандагара или разовое посещение города бойцами его отряда он был вынужден заносить в свою рабочую тетрадь. С одной стороны, вся эта писанина доставляла много хлопот Гафур Джану, но в то же время на основе именно этих черновых записей он потом готовил те самые отчеты о проделанной работе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.